

*К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о жизни в XX веке*

В.В.Ульянов

ПОЛВЕКА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Воспоминания физика-теоретика

Харьков 2007

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о жизни в XX веке

В.В.Ульянов

П О Л В Е К А   В   У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

Воспоминания физика-теоретика

Издание третье, дополненное, электронное

Харьков 2007

Ульянов В.В. Полвека в Университете. Изд. 3-е, доп., эл. - Х.: ХНУ имени В.Н.Каразина, 2007. - 102 с.

Книжка продолжает серию неформальных воспоминаний о жизни в XX веке, приуроченную к 200-летию Харьковского университета и физического факультета, а также 60-летию кафедры теоретической физики.

Это короткие заметки из “Воспоминаний физика-теоретика” о жизни выпускника физико-математического факультета Харьковского университета (второе издание приурочено к 50-летию нашего выпуска, третье издание – электронное).

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© В.В.Ульянов, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Вот и мне захотелось посмотреть
на своё прошлое как бы со стороны.*

Анатолий Ким

1 сентября 2002 года исполняется 50 лет моего пребывания в Университете. С 1952 года по 1957 – студенчество, с 1957 года по 1960 – аспирантура, а с 1 сентября 1960 года – ассистент кафедры статистической физики и термодинамики (впоследствии – кафедра теоретической физики). Затем – старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой, профессор.

Годы учебы описаны до некоторой степени в “Рассказах о летнем отдыхе”, в книжках “Мой друг Толька” и “На Университетской”, а также в брошюрах серии воспоминаний об ученых-физиках.

Довольно четко можно разделить описываемые в данной книжке полвека моей деятельности в Университете на десятилетние периоды с соответствующими предельно краткими характеристиками занятий и мест обитания:

1950-е годы – учеба, восхождение, романтика, светлая наивность, девушки, ОНА, женщины, снова ОНА, ХТЗ – ХАДИ;

1960-е годы – преподавание, сверхнагрузки, тяжкий опыт, реализм, надрыв, любовь и женитьба, сын, ХАДИ;

1970-е годы – пик преподавания, стабилизация, диссертирование, созидание, написание книг, семья, теснота, ул. Чайковского;

1980-е годы – заведование кафедрой, засилье бюрократии, защита докторской, книги, компьютеризация, семья, Сосновая горка;

1990-е годы – избавление от заведования, творчество, книги, нужда, семья, Сосновая горка.

Приступая к воспоминаниям, я не изучал исторических источников и не пытался придавать законченность своим заметкам. Это не хроника, а спонтанные, необработанные наброски, случайные сюрпризы памяти.

Вначале казалось, что нет совсем материала, но вот пошли первые эпизоды, и за ними потянулась цепь историй, событий, образов. Как и во всяком деле, нужно сделать первый шаг. Мозаика отдельных фрагментов складывается в то, что мы называем воспоминаниями.

Многие разделы посвящены преподавательской деятельности, хотя главным занятием была научная работа, о которой, однако, сложно рассказывать, так как это не есть предмет для широкого восприятия.

Лекторское мастерство наших учителей нами воспринималось как естественное. Мы не собирались быть преподавателями, фактически никто не учил нас этому искусству.

Некоторые заметки были обнаружены при раскопках бумажных завалов во время последнего ремонта квартиры. К сожалению, никогда не вел дневниковых записей, так что данный сборник не является последовательным воспроизведением событий жизни во второй половине прошлого века, а собранием разрозненных впечатлений, незавершенных набросков, по разным поводам написанных.

Первоначально был задуман единый цикл “Воспоминаний физика-теоретика”. Однако оказалось, что фактически это не одна книга, а совокупность фрагментов, разбросанных по отдельным книгам нескольких серий воспоминаний.

И снова возникает вопрос о цели этих, как сейчас принято называть, “проектов”. Теперь все увереннее я могу ответить на это тем, что все записи делаю прежде всего для себя. Вновь и вновь читая написанное, получаю большое удовлетворение, окунаясь в чудесные периоды жизни нашего поколения, трудные и светлые, полные оптимизма и надежд, насыщенные деятельностью и жадой познания. Особенно это выявляется сейчас, на фоне гнуснейшей действительности конца прошлого и начала нынешнего столетий, где не остается места для подобных принципов жизненного устройства, а все заменяется голым практицизмом и низменным прозябанием.

Безмерна моя признательность Нине Петровне Чуенковой из издательского отдела Университета за неизменно доброжелательное отношение к печатанию моих книг.

Большое спасибо моему сыну Николаю за постоянную помощь при компьютерной обработке текстов.

Жду замечаний, уточнений и предложений, которые будут приняты с благодарностью.

Сентябрь 2002 года

В.В.Ульянов

У Ч Е Б А (1952–1960 гг.)

*Очень мне хочется написать воспоминания
об учебе в Университете, о первых годах
приобщения к научной работе.*

М.И.Каганов

Первые впечатления

Сегодня 1 сентября 2002 года. Ровно 50 лет тому назад началась моя студенческая жизнь, мое пребывание в стенах Университета. Это повод, чтобы кое-что написать о том замечательном времени.

Мне не пришлось ни сдавать вступительных экзаменов, ни проходить собеседование. Пока мои товарищи в августе 1952 года подвергались этому испытанию (8 экзаменов!), я провел лето в комсомольском лагере на Эсхаре, хорошо отдохнул и с радостью окунулся в новую жизнь. Первые два года, пока мы не перебрались жить в город, было очень трудно добираться к восьми часам утра на первую пару от поселка ХТЗ, но со мной в группе были мои одноклассники: Женя Корнилов, Юра Петров и Коля Шеховцов. И первое время мы держались вместе, что было очень кстати для меня, явного индивидуалиста.

*Первокурсник Володя Ульянов
Харьков, 1952 год*

Очень неприятным был один день недели, посвященный военному делу, после чего мои товарищи отправлялись на занятия по физкультуре, а мне удалось освободиться от последних, так как меня приняли в секцию волейбола.

В один из осенних дней состоялся запомнившийся вечер дружбы с пятым курсом. Он проходил в Ленинской аудитории. Выступали наши замечательные старшие коллеги, казавшиеся нам очень солидными людьми. Правда, и на нашем курсе было много ребят старшего возраста. Было очень весело и радостно сознавать, что когда-нибудь и нам предстоит вот так же рассказывать молодой смене о своем опыте учебы на физмате и без стеснения исполнять самодеятельные номера, полные юмора и задора. Увы, когда мы стали пятикурсниками эта замечательная традиция затухла. Правда, на старших курсах мы сами устраивали подобные вечера, на одном из которых я даже отважился выступить с

фортепьянным сочинением, посвященным моей будущей жене. Кто-то из наших ребят заснял этот момент.

*Вова Ульянов играет в Ленинской аудитории
на курсовом вечере (1956 год)*

Ленинская аудитория. Это было замечательное место, где мы всем объединенным курсом слушали нудные лекции по марксизму-ленинизму, но зато можно было наблюдать всех сокурсников и особенно сокурсниц (математиков, физиков, ядерщиков и радиофизиков, – всего 245 человек).

Я всегда садился в конце аудитории. Эта привычка сохранилась со школьных времен. Так было удобно наблюдать за жизнью нашего курса. В первые же дни я высмотрел одну девочку, понравившуюся мне сразу, но так за все годы я и не смог рассмотреть ее вблизи. Симпатичная, пухленькая, небольшого роста. Никогда я так и не узнал ни имени ее, ни фамилии. Даже мне показалось, что на старших курсах она уже не училась с нами, и только через почти 50 лет я, наконец, узнал, что это было не так, а также присмотрелся к ее изображению в выпускном альбоме, но не в нашем, а радиофизическом (они вначале учились вместе с нами, а потом отделились). Что именно так все вышло, я никогда не жалел и не жалею. Ведь остался еще один светлый момент для воспоминаний (все связанное с девочками и женщинами описано в моих “Рассказах о летнем отдыхе”).

Конечно, было много у нас и других симпатичных девочек. Вообще на нашем курсе было меньше мужчин, чем женщин. Теперь я уже знаю весь состав, даже по именам и отчествам, тогда как в годы учебы даже не всех знал по фамилиям. В приложении дан список всех моих сокурсников.

Дом проектов

Той же осенью 1952 года, в одно из первых воскресений, мужчин-первокурсников физмата направили на расчистку разрушенного Дома проектов – будущего нового здания Университета. Со времени освобождения Харькова прошло уже 9 лет, а на площади у Госпрома все еще серела мрачная пустая коробка. Говорили, что было два варианта строительства: после разрушения каркаса и с использованием его. Если уж во время войны коробка уцелела, то вряд ли ее удалось бы простыми средствами добить совсем.

В нашу задачу входила уборка второго этажа, заваленного мусором, битым кирпичом и кусками железобетона. Некоторые ребята бегали по полуразрушенным лестницам. Погода была бабьелетняя. Ранним утром отсюда открывалась мирная панорама западной части города, лежавшей внизу в легкой дымке. К середине дня стало припекать, работа закончилась. Кажется, больше наш курс сюда не направляли...

Со зданием Дома проектов у меня до войны связаны приятные воспоминания: здесь работала моя мама. Хорошо помню, как однажды она привела меня к себе на службу, показывала свой стол с арифмометром. Мне подарили несколько игр (кажется, так отмечали день 8-го марта). Запомнился вход в здание со стороны сада Шевченко. Самое же удивительное, что комната, где работала мама, располагалась примерно в том месте, где теперь находится наша кафедра. Что означает это совпадение?

А вот еще один необъяснимый факт. Мои родители говорили, что в детстве, если у меня спрашивали, кем я буду, когда стану взрослым, я отвечал, что "чернильником". Тогда это вызывало недоумение. Стандартным был ответ – летчиком, танкистом, полярником. Долгие годы это считалось курьезом, и только гораздо-гораздо позже, когда пришла пора списывать бумагу формулами, вспомнили странное предсказание, получившее неожиданное подтверждение.

Московские каникулы

Конец января 1953 года. Успешно сдана первая в моей жизни сессия. Родители решили подарить мне поездку в Москву. Отцу удалось взять несколько дней отпуска. Он везет меня в столицу. Там у нас много родственников, так что жилье будет.

Стояли сильные морозы, но в общем вагоне поезда было весело и тепло. Студенческие каникулы. Ночь в пути. Утром пошли пригороды столицы, а вот и Курский вокзал. Нырять в метро. Впервые в жизни ступаю на эскалатор, но все кажется привычным: по маркам, по фильмам, по рассказам близких. Отец хорошо ориентируется в столице. До войны он с мамой часто приезжал сюда, да и после войны ему удалось побывать тут не раз.

Нас обещала приютить тетя Маня (Мария Дмитриевна Бехтерева, в девичестве Барышникова) – двоюродная сестра папы. Выходим на Смоленской площади, совсем немного пройти по Арбату до Плотникова переулка, и, поднявшись на второй этаж дома на углу, оказываемся перед дверью квартиры № 2. Здесь нас уже ждет милая тетя Маня, которую я вижу впервые, но знаю давно и хорошо. Традиционный московский чай-

завтрак, обмен семейными новостями и приветами. Переходим к программе нашего пребывания в Москве. Тетя Маня – далеко не молодой человек, но она в курсе всех столичных событий. В нашем распоряжении три-четыре дня, а соблазнов так много: театры, музеи, выставки. Разброс велик, но нужно выбрать главное. Конечно, на первом месте Большой, однако туда попасть всегда трудно. Постепенно вырисовывается план действий и примерная программа.

Не помню сейчас, в каком порядке мы посетили упоминаемые ниже места и как удавалось добывать билеты, но все вечера были заняты. Запомнилось путешествие в цирк на Цветном бульваре по вечернему городу в троллейбусе с замерзшими окнами. Попытка попасть в Большой не удалась, так что были рады и цирку. Само представление не помню, так как оно, видимо, мало отличалось от того, что приходилось видеть в Харьковском цирке, где бывал несколько раз в школьные годы.

Другой вечер мы провели в клубе железнодорожников на эстрадном концерте. Любопытно было увидеть известных артистов живьем. Концерт был насыщенным, интересным, но мне на всю жизнь запомнился только один человек – Смирнов-Сокольский. Как обычно, он выступал со своим фельетоном. Но как! Говорил быстро-быстро. Вихрь, экстаз. Необычайно увлекательное выступление. Живое, яркое, запоминающееся. Это был великий человек. Как же он умел зажечь аудиторию. Даже на фоне прекрасных мастеров эстрады именно он был центральной фигурой концерта.

Через много лет, читая лекции, я иногда вдруг вспоминал эти мгновения и испытывал необычайный подъем, индуцированный давним впечатлением. Смирнов-Сокольский сам сочинял свои монологи. Его сатира была полна информацией. Слушая сейчас современных артистов, не могу вытерпеть, если какой-нибудь текст повторяется больше двух раз. А ведь у многих "шлягеристов" из попсы все пение вообще состоит из пары строчек, бездумно повторяемых 10-15 раз. Идиотизм!

Но – назад, в Москву. Один вечер мы провели в стереокино. Оно помещалось в доме-пристройке к гостинице "Москва", на самом верхнем этаже. До войны отец с мамой останавливались в этой гостинице. На первом этаже был большой гастроном, куда мы зашли перед сеансом.

Днем мы побывали на Красной площади, видели огромную очередь в Мавзолей, зашли в ГУМ. Карманных денег у нас было очень мало. Могли позволить себе не более пары бутербродов. Наш путь лежал в Третьяковку. Там было много молодежи. Беглый осмотр известных шедевров оставил мало впечатлений. Посетители что-то записывали в свои блокнотики. Видимо, именно такой метод позволяет сохранить в памяти

увиденное. Я никогда не умел рисовать. Отец неоднократно пытался приобщить меня к этому виду искусства, но ничего не вышло. Он же хорошо рисовал (остался альбом, в котором он сделал несколько набросков в качестве примера для меня), прекрасно чертил.

В один из дней мы оказались на стадионе "Динамо". В тени трибун на заснеженном футбольном поле была отгорожена ледяная площадка. Шла игра в хоккей с шайбой. Мне было интересно, но сильный мороз не позволил долго смотреть. Зрителей мало. Вход свободный. Играли, видимо, известные спортсмены, летом блиставшие на футбольных полях, но узнать их издали было невозможно.

Вдоль длинного забора, сквозь щели которого виднелась болотистая местность со сваями для предполагаемого Дворца Советов, мы вышли к Пушкинскому музею. Здесь устроили знаменитую выставку подарков Сталину. Постояв в быстро двигавшейся очереди, мы побродили по залам, забитым изделиями, подаренными Сталину к его 70-летию. Осталась в памяти россыпь курительных трубок под стеклом да телевизор будущего с большим экраном. Говорили, что часть подарков выставлена где-то еще.

Никаких вещей мы не покупали, по магазинам специально не ходили, но помню большой зал Елисеевского и двухэтажный магазин "Сыр" на улице Горького, а также длинный гастроном в устье Арбата на Смоленской площади. Домой привезли сливочную помадку в коробочке. Таких конфет больше никогда не ел. Тающее во рту чудо. Каждая – на отдельной жатой бумажке. С цукатами. Гостинец для мамы.

Побывали в гостях у дяди Мити – Дмитрия Дмитриевича Барышникова – на Петровке. Он внешне походил на де Голля. Его приветливая жена Нина Николаевна угостила нас обедом – вкусный темный фасолевый суп... Перед самой войной дядя Митя приезжал к нам и подарил мне заводной танк с резиновыми гусеницами. Тогда за столом собралась вся наша семья. Впервые я услышал тревожный разговор о возможной войне...

В Москве чувствовалось какое-то напряженное спокойствие. Относительно мало людей. Морозная погода. Никаких политических разговоров. До смерти вождя оставалось немногим больше месяца.

Конечно, большое впечатление произвели станции метро, знакомые с детских лет по маркам, башни Кремля и звезды на них. В детстве отец как-то рассказывал мне, что у нас уже есть первые зачатки коммунизма. Во-первых, это метро. Во-вторых, жизнь тех, кто в Кремле (для них уже реализован принцип "по потребности").

Как и большинство коренных москвичей, тетя Маня очень любила свой город, хорошо знала его историю, собирала путеводители и книги о Москве. Ее увлечением был балет.

Последний вечер перед отъездом мы провели за чаем у тети Мани. Пришла еще одна наша родственница, работавшая где-то на Волге. Она занималась разведением осетровых в искусственных водоемах. Вспоминали близких. Отец и тетя Маня знакомы с детских лет. Оба всегда интересовались своей родословной. До революции отец со своим братом Колей и сестрой Лелей каждое лето гостили в имении семьи Барышниковых в Клинцах (ныне Брянской области).

Небольшая комната тети Мани становилась особенно уютной вечером при свете низко висящей лампы со старинным абажуром. За окном морозный Арбат...

Мы прощаемся с тетей Маней, прощаемся со столицей. Цельного представления о Москве я не получил, но след остался. Очень важно было увидеть своими глазами то, что знал по маркам, фотографиям, кинофильмам, рассказам.

Траурные дни

Через месяц после начала весеннего семестра умер Сталин. Очень хорошо помню этот день. Траурные речи. Дежурство с повязкой у скульптуры вождя на втором этаже маткорпуса в паре с сокурсницей. Впервые увидел нашего декана по фамилии Сластенов, который произносил соответствующую речь. Конечно, для большинства это было большое горе. Теперь находятся люди, гордящиеся тем, что радовались этой смерти. Но тогда даже у тех, кто пострадал от репрессий, была печаль. В нашей семье моя родная тетя Оля отсидела 10 лет в Казахстане как жена “врага народа”. Ее муж, красный командир, был арестован в 1937 году и тогда же расстрелян. В детстве от меня все это скрывали, но потом мне уже все было известно, однако истинного виновника всех репрессий мы тогда не знали. Я тоже переживал. Неясно было, что же будет дальше в нашей жизни, словно от существования одного человека зависела вся страна. Так нас к этому приучали.

Вот такие события запомнились в первый год моей учебы в Университете. Подробно рассказывать о моей студенческой жизни здесь не стану, а добавлю лишь несколько эпизодов.

Казус

Однажды, после сдачи экзамена по спецкурсу, Илья Михайлович

*Среди моих сокурсников: Мовчан, Кривуля,
Петров, Ульянов, Агеев, Белоглазов, Бутенко
Весна 1955 года*

Лифшиц попросил меня передать какую-то записку кому-то в одной из соседних комнат в старом физическом корпусе. Нужно было пройти через физическую аудиторию, где в это время, кажется, шла защита дипломных работ. Пригибаясь, перебежками, на цыпочках, я осторожно проскочил от одной двери к другой, но был настигнут свирепым Владимиром

Игнатьевичем Хоткевичем, который выругал меня за вторжение и не желал слушать никаких оправданий. Так Илья Михайлович ненароком "подставил" меня. На многие годы этот инцидент отравил мое отношение к Хоткевичу, который потом был деканом физфака, а затем и ректором. Мне всегда неприятно было вспоминать о случившемся. Я старался с ним не общаться.

Стипендия

Как-то руководством физмата обсуждался вопрос о назначении Ленинской стипендии. Как рассказали мне гораздо позже, Илья Михайлович Лифшиц отстаивал мою кандидатуру, однако предпочтение отдали другому, мотивируя недостаточной моей общественной активностью. По иронии судьбы как раз перед тем меня прикрепили к этому студенту, чтобы помочь ему в учебе. На нашем курсе было много ребят, которые были гораздо старше нас, прошли жизненную школу в армии, на заводах и т. п. Он был из их числа. Им было трудно учиться. Стипендия ему, безусловно, была нужнее.

Две книги

Хорошо помню, как в студенческие годы прочитал я две книги о студентах. Одной из них была повесть Владимира Анатольевича Добровольского "Трое в серых шинелях", вышедшая в 1948 году и тогда же получившая Сталинскую премию.

Вторая книга – повесть Юрия Валентиновича Трифонова "Студенты", которую автор издал в 1950 году и за которую также получил Сталинскую премию.

Обе книги попали ко мне примерно в одно время, когда я учился на физмате. Том самом, о котором писал Добровольский. Автор закончил филологический факультет ХГУ в 1941 году, так что знал условия студенческой жизни в университете, хотя и был весьма далек от физико-математической специфики. Больше писалось об особенностях жизни студентов, вернувшихся к мирной жизни после войны, чем о конкретных делах физмата. Все же что-то знакомое и родное чувствовалось при чтении. Ведь мы учились в те годы в старых помещениях на Университетской улице, где должно было происходить описываемое.

*Фото В.В. Ульянова
для комсомольского билета
1955 год*

Впрочем, автор почему-то ни разу не назвал ни города, ни улиц, ни каких-либо других конкретных мест действия книги.

Гораздо интересней для меня оказалось знакомство с книгой Трифонова. Хотя там описывалась московская жизнь, однако мне Москва уже была знакома, так как я успел на первом курсе провести зимние каникулы начала 1953 года с отцом в столице, так что многое стало мне понятно. Но главное заключалось в другом: лирическая линия, первая любовь героя – именно это было мне тогда особенно близко. Читая эту книгу, я переживал вместе с героем, поскольку сам в это время испытывал свою первую настоящую влюбленность.

И сейчас я хорошо представляю себя сидящим на кровати, поставив вертикально подушку и опершись спиной на нее, при свете настольной лампы, поздно ночью, в полной тишине уснувшей квартиры. Именно в те часы в окно билась зимними порывами метель, а в мое сознание входили сцены летней Москвы, с которой встретился герой после военной разлуки. Вскоре появилась первая героиня, а затем и вторая...

В то время я проглатывал книги обычно безотрывно, до полного прочтения. Вот и тогда, кажется, за одну ночь прострочил весь этот роман, находясь потом несколько дней под жгучим впечатлением. Да и потом, сквозь десятилетия, всегда помнил это замечательное прикосновение к аналогичному, к тому, что тебя самого волновало. Гораздо позже мне пришло осознание того, насколько интересней читать без спешки, смакуя и растягивая удовольствие, окунаясь в чью-то жизнь, особенно созвучную тебе.

С Трифоновым на этом знакомство мое не завершилось. Впоследствии было прочитано многое из им написанного, но глубокий след оставила именно первая его книга, автору которой было 25 лет. Правда, перечитывая ее в более зрелом возрасте, я уже все воспринимал иначе.

Вот такие воспоминания навеяли две книги о студентах. Не помню, были ли еще в ту пору какие-либо другие вещи на эту тему (Добровольский написал в 1950 году “Женю Маслову” в виде продолжения своей первой книги, но главная героиня была аспиранткой). Может быть, потом что-то и выходило, но тогда возник резонанс с моим настоящим, потому и оставили след в душе моей эти простодушные и во многом наивные романы, названные авторами повестями.

Выпускные альбомы физмата

Раньше примерно раз в пять лет я доставал свой выпускной альбом и всматривался в дорогие изображения моих однокурсников и преподавателей. Обычно это бывало в первые летние дни, т. е. в ностальгическое время очередной годовщины окончания физмата. Рядом с моим альбомом хранится такой же моей жены — выпускницы того же 1957 года, но биофака. Иногда мы вместе просматриваем эти два замечательных памятника нашей молодости.

Однако в последние год-два альбомы открывались очень часто в связи с написанием воспоминаний. Многих персонажей я переснял, особенно наших преподавателей, для книжки “На Университетской”. Кроме индивидуальных фотографий, в альбоме есть групповые, заснятые как в разных помещениях физмата, так и близ каких-то городских достопримечательностей, а также имеется много снимков зданий в разных местах Харькова. Прошло 45 лет, но пока эти уголки города еще узнаваемы, тогда как изменения за такой же предыдущий период были очень существенными.

Что еще важно: на первой странице альбома помещалась большая фотография владельца, и копий ее почему-то тогда не делали, так что теперь приходится переснимать ее для главной иллюстрации в воспоминаниях о данной личности. Кроме того, по этим документам удалось установить, кто деканствовал на факультете в разные годы. Кстати, наряду с деканами и ректором, везде фигурирует незабвенная секретарша физмата Анастасия Титовна Маштакова.

Сколько студентов было выпущено на нашем курсе, я теперь знаю: физиков — 42, математиков (включая астрономов) — 61, ядерщиков — 52 и радиофизиков — 90 (они отделились от нас на втором году обучения, но

мы продолжали считаться единым курсом, хотя альбомы были уже отдельными). Всего — 245. Правда, эти данные взяты не из альбомов, а добыты в университетском архиве (полные списки выпускников нашего курса даны в приложении).

У нас были замечательные ребята, как и на каждом другом курсе физмата. С некоторыми я дружил, с некоторыми имел какие-то контакты по разным поводам, с некоторыми сошелся достаточно близко во время памятной поездки в Запорожскую область на сельхозработы в начале четвертого курса, но остались и те, о ком ничего вспомнить не могу.

Что там еще видно? Вот милое изображение девочки, которая мне нравилась на первом курсе. Вот другая — симпатия позднего периода, но о ней я кое-что узнал лишь теперь, спустя почти полвека. В годы студенчества женские объекты моего внимания находились за пределами нашего курса. О них я только недавно отважился поведать в своих “Рассказах о летнем отдыхе”.

На нашем курсе образовались несколько пар. Некоторые вскоре распались. Наблюдались и заигрывания, и ухаживания, и даже скандальное соблазнение, но я тогда не вникал в такие дела, так что не смею приводить примеры, хотя подобные романтические истории были весьма интересными, как мне теперь представляется.

В наше время ведь кто-то заботился о выпускном альбоме, загонял нас для фотографирования! Совершенно не помню той фотомастерской, где происходили съемки. Могу признаться, что я тогда относился к этому равнодушно и ни в одной групповой съемке для выпускного альбома так и не участвовал, о чем теперь сожалею. Правда, сам фотографировал наших ребят, особенно на младших курсах.

Хорошей традицией были эти выпускные альбомы! А ведь до войны ограничивались, по-видимому, лишь коллективными фотографиями, о чем свидетельствуют два документа: снимок физмата ХИНО 1928 года, сохранившийся у любителя истории физики и физмата А.Н.Рязанова, и фотография выпускников 1939 года в книге В.С.Когана “Семнадцать рассказов старого физика”. Сразу после войны, кажется, не делали даже и таких коллективных снимков. По свидетельству выпускников 1951 года А.М.Косевича и В.К.Милославского, у них не было выпускных фотографий.

Однако уже в 1952 году окончившие физмат получили очень симпатичные альбомчики небольшого формата, что я могу утверждать благодаря любезности владелицы одного из них И.П.Гребенник. В 1953 году альбом был уже несколько больших размеров. Мне давал его А.Ф.Сиренко. Альбомом за юбилейный 1955 год меня угощали

*Инэсса Павловна Терникова –
выпускница биофака ХГУ
Июнь 1957 года*

*Владимир Владимирович Ульянов –
выпускник физмата ХГУ
Июнь 1957 года*

Б.В.Кондратьев и В.Г.Песчанский, где имеется даже карта-схема распределения выпускников по всему СССР. Просматривал я и альбомы З.И.Сизовой (Сутоцкой) за 1956 год, В.В.Козинца за 1958 год и А.М.Ермолаева за 1961 год. Всем им большое спасибо. Оформлены альбомы примерно одинаково, чаще всего нет явной разбивки на отделения, хотя встречаются даже группировки по специализациям. А как приятно увидеть знакомые лица бывших студентов!..

Итак, альбомы физмата существовали примерно 10 лет, а затем в течение трех десятилетий традиция у физиков, по крайней мере, сохранялась, но потом постепенно была утрачена и лишь недавно возродилась на новом уровне – с цветными изображениями.

Выпускные альбомы – неисчерпаемый источник для воспоминаний. Их продолжением служат фотографии, сделанные во время юбилейных встреч выпускников, но это уже отдельная тема.

Аспирантура

Что происходило со мной во время аспирантуры, уже достаточно подробно изложено в книжке об Илье Михайловиче Лифшице [38], так что не стану повторяться, а приведу некоторые дополнительные сведения.

Сохранились некоторые документы того времени. В частности, в своем личном деле из архива Университета я обнаружил две бумаги,

написанные рукою моего шефа. Я о них не знал. Было интересно прочесть рекомендацию и отзыв о моей работе. Мне разрешили скопировать эти документы. Приведу их. Далее, есть у меня копии

Отзыв о кандидатстве в аспирантуру
канд. В. Ульянова

Тов. Ульянов является талантливым физиком, владеющим способами (методами) научной работы. Будучи студентом университета, он выполнял интересную работу о рассеянии электронов, в которой им был получен новый результат. В связи с его зачислением в аспирантуру весьма целесообразно и спланировать его работу.

Док. кафедра
Мем. карт. № 4559

(И. М. Лифшица)

Отзыв Ильи Михайловича Лифшица о
кандидате в аспирантуру В.В. Ульянове
Физмат ХГУ, лето 1957 года

Отзыв о работе В.В. Ульянова

Представитель В.В. Ульяновым решен один из важных вопросов теории ядра – вопрос о рассеянии электронов на ядрах. Работа является, в сущности, самостоятельным оригинальным исследованием, в котором показано отклонение выбранного метода «симметрии» решения для различных моментов рассеяния электронов, а также удалось получить конкретные формулы, применимые в широком интервале энергий электронов.

Работа выполнена на достаточно высоком уровне и вполне удовлетворяет требованиям, которые могут быть предъявлены к работе, опубликованной в аспирантуру по теоретической физике.

Док. кафедра
Мем. карт. № 4559

(И. М. Лифшица)

Отзыв И.М. Лифшица
о работе В.В. Ульянова

индивидуального плана, правда, неполные. Есть еще план работы над диссертацией и подробный отчет о моей деятельности в аспирантуре.

Маленький пример, показывающий широту научных интересов моего научного руководителя – академика Ильи Михайловича Лифшица. Когда дело дошло до реальной темы диссертации, то он предложил мне работать в одной из трех в то время "горячих" областей теорфизики. Это были: нелинейная квантовая теория поля, микроскопическая теория сверхпроводимости, полевые методы в электронной теории металлов. Я выбрал последнее направление.

Своим ученикам Илья Михайлович обычно предоставлял полную свободу в выборе конкретных путей решения поставленной задачи. Формировалась общая проблема, а дальше думай и работай сам. Приходи за советом, рассказывай о результатах – встретишь внимательное, заинтересованное отношение. Так воспитывалась научная самостоятельность.

Сельхозработы

Второй год моей аспирантуры начался необычно: 2 сентября всех аспирантов обязали ехать в колхоз. В этот день было ужасно холодно. Утром нас долго возили в грузовике какой-то окружной дорогой. К

середине дня мы, наконец, оказались на месте. Выяснилось, что предстоит собирать яблоки в совхозном саду. Жилье предоставили весьма неприглядное, но совсем рядом оказалось шоссе. Кое-кто остался жить в совхозе, а несколько человек ездили на работу автобусом.

Вскоре, видимо, сказала простуда первого дня, я слег и не знаю, что было дальше. Кажется, больше никогда аспирантов не привлекали к подобной деятельности.

С этим эпизодом связано мое знакомство с Витолем Ивановичем Пересадой, который рассказал мне тогда о своей сложной судьбе. Он также был аспирантом Ильи Михайловича Лифшица.

Англичанин

В.В. Ульянов в 1960 году

Было это, кажется, в конце 50-х. Однажды, возвратясь домой (а жил я тогда с родителями в здании Автодорожного института на ул. Артёма), я застал в нашей квартире двух тихо сидевших на диване людей. Это были Леонид Степанович Гулида и Александр Иванович Беседовский (в ту пору замдекана физфака). Они сообщили, что на завтра ожидается прилет очень важной особы из Англии – какого-то профессора-физика. Принимать его, мол, поручено нашей кафедре. Так получилось, что в данный момент никого на кафедре не оказалось, кто бы мог помочь в общении с иностранцем, и они вспомнили, что молодой аспирант, кажется, хорошо сдал кандидатский минимум по английскому языку. Действительно, в то время я достаточно свободно читал физическую литературу на английском и даже пытался разбирать неадаптированные художественные тексты. Однако разговорной практики никогда не имел. В те времена преподавание языка строилось с исключением возможности общения с иностранцами.

Можно понять мое смятение, когда меня бросились умолять спасти положение столь уважаемые люди. Они просто готовы были пасть предо мною на колени (так врезался образно в память этот эпизод, вызывающий и поныне у меня улыбку). Но делать нечего. На завтра в условленном месте меня уже ожидала машина с нашими героями. Накануне я, конечно, лихорадочно перебирал свои учебники в поисках возможных нужных английских фраз. Как потом оказалось, Леониду Степановичу все же

удалось связаться с семьей Моисея Исааковича Каганова, которого не было перед тем в Харькове, но который должен был вот-вот, кажется, приехать. На мое счастье, все так и вышло. Мы заехали за Моисеем Исааковичем, и он уже был дома, согласившись отправиться на аэродром. Мне тоже вежливо предложили участвовать во встрече важной персоны, но я с радостью покинул делегацию.

Профессора доставили благополучно в Университет. Как уже бывало неоднократно раньше и много раз позже, подобных гостей водили по разным кафедрам, приглашали в кабинеты крупных чиновников, чем-то угощали, но никогда не приводили к нам, если даже они были нашими гостями. Тут наша милая администрация проявляла удивительную деликатность, помня, в каких условиях живет наша кафедра. Им становилось стыдно показывать, что известный на весь мир Илья Михайлович Лифшиц со своими учениками ютится в каморке, в которую даже неприлично заглянуть.

Приглашение в Америку

Наверное, это было на втором году аспирантуры. Меня пригласили в одну из угловых комнат старого административного корпуса Университета и совершенно неожиданно предложили поехать на стажировку в США. К этому времени наступило некоторое потепление в отношениях между нашими странами. Начинался обмен делегациями.

Мне было объявлено, что кандидатура моя уже утверждена, так что от меня требуется лишь формальное согласие. Я выслушал с удивлением подробности, но решение было принято без колебаний. Я отказался. Мой собеседник был крайне удивлен моим решительным отказом. Я упирал на то, что плохо владею английским языком, что я очень необщительный человек, что я не оправдаю оказанного мне высокого доверия.

Я рос домашним ребенком, не ходил ни в ясли, ни в детский сад, не был пионером, много болел, даже школу фактически начал с 4-го класса, был типичным "фермионом-индивидуалистом" и только к 9-10-му классу да в студенческие годы немного начал привыкать к коллективной жизни. Я не мог себе вообразить, что смогу достойно представлять нашу страну в чужой обстановке. Истинной же причиной отказа был печальный опыт моего отца, который в 1930 году был командирован в Штаты на полтора года, в результате чего развелся со своей первой женой, которая не выдержала столь продолжительной разлуки. Опасность потери лишь недавно обретенного столь дорогого мне человека перекрывала все возможные доводы преимуществ заманчивой, с точки зрения многих, стажировки. Я никогда не сожалел о своем отказе. Мы с моей невестой

*Владимир Ульянов к концу аспирантуры
(1960 год)*

только-только перенесли двухлетнюю разлуку, и подвергаться еще одному продолжительному испытанию было бы слишком рискованно.

Имел ли этот инцидент для меня какие-либо последствия? Как будто бы никакого давления не было, каких-либо упреков мне не приходилось выслушивать ни от Ильи Михайловича, ни от администрации.

Возможно, согласись я, — и жизнь сложилась бы иначе. Позднее аналогичные приглашения получили и приняли другие аспиранты Ильи Михайловича Лифшица — В.П.Галайко и И.И.Фалько. Видимо,

стажировкой они остались довольны, но у меня никогда не возникало сомнений в правильности моего отказа.

Дополнительные замечания

Добавлю, что в моих заметках многие аспекты студенческой жизни не были затронуты: комсомол (собрания, конференции, воскресники, культпоходы, поездки в колхоз); развлечения (праздники, демонстрации, вечера, именины, свадьбы, музыка, театры, кино, чтение); любопытные случаи на лекциях и практических занятиях (военная кафедра, взаимоотношения с преподавателями); каникулы (ухаживания и летние приключения); новые товарищи и друзья; спортивная жизнь; домашняя жизнь.

Частично кое-что описано в моих книгах “Рассказы о летнем отдыхе” и “На Университетской”, а также в цикле “Легенды и были старого физмата”.

П Р Е П О Д А В А Н И Е (1960–1980 гг.)

*Я усерднейше прошу о том, чтобы все здесь
изложенное читалось с благосклонностью.*

Исаак Ньютон

Преподаватель

Обучение на физмате было рассчитано в основном на подготовку физиков-исследователей. Правда, читался небольшой курс педагогики для общего образования и устраивалась маленькая педпрактика в школе (у нас это была школа № 1). Для учителя или преподавателя вуза этого было явно недостаточно. Во всяком случае, я никогда не мог предположить, что стану преподавателем.

Все же некоторые элементы педагогического воспитания у нас были. Так, Леонид Моисеевич Пятигорский, который вел квантовую механику, использовал следующий прием: он как-то попросил меня заменить его на практических занятиях в нашей группе, поскольку ему якобы нужно было отлучиться в командировку. Илья Михайлович Лифшиц часть материала своих лекций по квантовой статистике давал нам для самостоятельной проработки с последующим выступлением в роли преподавателя. Правда, все эти преподавательские навыки были ограничены своей группой студентов. Кроме того, в аспирантуре полагалось прочесть так называемые пробные лекции. Лев Элеазарович Паргаманик любезно предоставил мне две пары из своего спецкурса, и я выступал в роли лектора перед студентами-теоретиками 4-го курса.

Только после окончания аспирантуры и зачисления на кафедру стало ясно, чем придется заниматься. Никаких инструкций, рекомендаций не получал. Просто с 1 сентября 1960 года, еще будучи формально аспирантом, пошел в студенческие группы вести практические занятия и читать лекции (первое время это были практика по общей физике и один спецкурс для теоретиков 5-го курса).

Со стороны Ильи Михайловича Лифшица никогда не было мелочной опеки по вопросам преподавания. Никаких разборов, разносов, недовольства, даже простого неодобрения или бурчания. Такой же стиль был у Леонида Степановича Гулиды.

Нагрузки были очень большие, а опыта никакого. Обычно после двух пар начинало садиться горло. Несколько раз терял голос. Начал посещать специалистов, которые давали разные полезные рекомендации,

вплоть до перемены вида работы, поскольку голосовые связки оказались слабыми.

Нужно было выбирать: либо по 2 пары почти ежедневно, либо по 3-4 пары в день с передышками для подготовки и научной работы. Вторым вариантом быстро выводил из строя. Кроме горловых аудиторных занятий были разные общественные поручения – дежурства, воскресники, политчасы и предвыборное агитаторство, собрания, а также бумажные заботы – отчеты, планы, справки и т. п.

После вольготной жизни в аспирантуре это был резкий переход к насыщенной, интенсивной, но непродуктивной деятельности. Усталость накапливалась. Быстро выползли застарелые болячки.

*Владимир Владимирович Ульянов
(1960 год)*

Все время приходилось осваивать новые курсы. То мне достались заочники, которые были намного старше меня (занятия проводились на Черноглазовской и на Тринклера, но вскоре заочное отделение при физфаке закрыли). То приходилось вести практические занятия по общей физике, начиная с рассказов о логарифмической линейке. То дали читать курс теоретической механики у вечерников. То пришлось вести практикум по термодинамике и статфизике за лекциями Ильи Михайловича Лифшица и принимать самому экзамены у всего курса. То

добавился курс квантовой механики. То пошли спецкурсы у теоретиков (тензорный анализ, квантовая статистика, дополнительные главы квантовой механики, квантовая кинетика). То доверили читать на факультете повышения квалификации (ФПК) теоретическую механику, а затем и квантовую механику. Курьезным был случай, когда я числился среди слушателей ФПК, которым сам же читал.

Кроме того, были другие виды занятий: руководство курсовыми и дипломными работами, подпрактикой в школе, прием экзаменов и зачетов, коллоквиумы, консультации и дополнительные занятия (очень распространенные в те времена), проведение физических олимпиад со школьниками и студентами и т. п.

Периодически происходили авральные переходы на новые формы работы. То ввели аттестацию студентов два-три раза в течение семестра.

То появилась тенденция усиления технических систем обучения. То насаждались технологические карты (на каждую лекцию!) и структурно-логические схемы читаемых курсов. То пошла широкая кампания внедрения учебно-исследовательской работы студентов (УИРС, не путать с обычным НИРС). То началась многоплановая разработка УМКД (учебно-методический комплекс дисциплин). То вспыхнул интерес к вычислительной технике и началось поголовное обучение преподавателей программированию. То появились новаторские течения в преподавании (метод Шаталова, проблемное обучение и др.).

*Владимир Владимирович Ульянов
(1960 год)*

Каждая подобная широкомасштабная кампания начиналась с грозных министерских приказов, после которых шли не менее угрожающие распоряжения местной бюрократии. За ними следовало изучение соответствующей документации (наставлений, циркуляров, описаний, разработок, нормативов и т. п.). Далее требовались отчеты, планы, справки и т. п. В конце каждого учебного года начинались жесткие, грубые, детальные проверки проделанного и готовности к новому учебному году.

С каждым годом эта лавина квазидеятельности нарастала. Робкие протесты преподавательской общественности бюрократия игнорировала. Облегчение наступило только во времена перестройки.

Естественно, что в таких условиях на занятия наукой по-настоящему оставались только дни отпуска. Правда, первые годы я использовал отпуск по назначению, т. е. с полным отрывом от всяких дел. Однако постепенно именно во время отдыха стали появляться идеи и решались основные творческие проблемы, которые затем уже оставалось технически воплотить в законченные работы в течение года (по воскресеньям).

С другой стороны, с годами удалось найти такие темы, которые были близки к преподаваемым предметам. Именно такое сочетание оказывается наиболее плодотворным. Ныне обычно читают у нас курсы те люди, которые по роду своей научной работы связаны с данной областью физики. Мне же к этому естественному процессу пришлось добираться через сложности противоположного соотношения: вначале пришлось вести занятия по предметам, удаленным от научной тематики.

С годами происходило также некоторое перераспределение нагрузки между горловыми и негорловыми видами занятий – появилось большее разнообразие учебных поручений, что давало некоторую горловую передышку и позволяло больше заниматься наукой.

Нынешние преподавательские нагрузки даже у молодых наших коллег не идут ни в какое сравнение с тем, что выпало на нашу долю. Это дает им возможность заниматься любимым делом без переутомления.

Старший

При активной поддержке Леонида Степановича Гулиды уже через два года меня перевели в старшие преподаватели, а вскоре даже поручили читать лекции на факультете повышения квалификации. Тогда там проходили переподготовку солидные люди, среди которых попадались и кандидаты наук, а тут приходил читать им лекции какой-то неостепененный мальчишка. Но я старался подбирать нетривиальный материал, излагал не по книгам, и это слушателями ценилось.

Методы

Переход к новой тематике моей научной работы сопровождался переосмыслением общего подхода к теории с пониманием того, что в грубых чертах возможны два типа работ (представим себе, что разделы теорфизики наслаиваются горизонтально). Во-первых, то, что можно назвать разработкой по вертикали – некоторый конкретный эффект, процесс, явление обсчитывается, объясняется, предсказывается и т. п. Этот подход обычно связан более тесно с экспериментом (либо вытекает из экспериментов, либо предлагает эксперимент для проверки теории). Во-вторых, то, что можно назвать разработкой по горизонтали – общие методы, не связанные с конкретными частными вопросами, приложимые к большому разделу теории. Например, какой-либо метод в квантовой теории. Именно последние подходы стали привлекать мое внимание, и большая часть работ выполнялась именно в таком русле. Известны в связи с этим слова Ландау: "Метод важнее открытия, ибо правильный метод исследования приведет к новым, еще более ценным открытиям".

Соответствующее название получили и мои книги "Интегральные методы в квантовой механике" и "Методы квантовой кинетики", а также большой обзор с О.Б.Заславским "New methods in the theory of quantum spin systems".

Это направление давало простор развитию теории, не замыкая ее в узких рамках какого-то частного вопроса и в то же время позволяя при необходимости "снисходить" до конкретных приложений.

Особенно большой простор такое направление открывало в области компьютерных методов исследования, где общие возможности новой технологии научной работы ограничиваются только фантазией и техническими параметрами доступных компьютеров.

Многие годы, читая общие и специальные курсы, я приходил к мысли, что хорошо бы вести свои конспекты лекций, но каждый раз это оставалось только благими мечтаниями. Сохранились лишь некие наметки, черновики с формулами без текста. Заставить себя написать текст перед лекцией никогда не мог, а после лекции уже не хватало сил все выговоренное еще раз пережевывать. Подготовка к лекциям сводилась к выписыванию формул, но никогда не к заучиванию текстов, которые всегда были импровизацией.

Иногда мне удавалось увидеть конспекты прилежных студентов с моими творениями в аккуратном изложении. И только однажды я заставил себя поработать над 10 лекциями по квантовой механике, из которых только 5 довел до печатания на пишущей машинке.

Готовясь к лекциям, я никогда не учил материал по книгам, используя их только как справочный материал. Всегда считал, что гораздо проще самому что-то вычислить, проделать, оформить, создать, чем пользоваться готовым. Даже если это касалось общих курсов, не говоря уже о спецкурсах.

Многие мои студенты и особенно слушатели ФПК давно рекомендовали мне издать мои лекции. Подсознательно это накапливалось и в свое время инициировало написание книг, в которых изложены в основном оригинальные результаты. Однако вслед за этим пропал у меня интерес к чтению соответствующих курсов, поскольку они уже были изложены в книгах. Это стимулировало тем самым переход к новой научной тематике.

Лекции

Записывая эти мысли, невольно вспомнил о собственной манере различных публичных выступлений. Истоки сидят в школьных годах – самым тяжким испытанием для меня было заучивание стихотворений, дат истории и данных из географии. Хотя должен признаться, что как раз стихи Пушкина и Лермонтова были исключением. Это объяснялось тем, что в детстве именно стихи этих поэтов мне читала бабушка, когда я лежал больной, что было довольно часто. Так у меня сложилось отвращение к заучиванию чего-либо, явившееся следствием неумения этого делать. Правда, иногда в школьные годы это приводило к тому, что такое неумение оборачивалось возможной нетривиальностью моих ответов на

уроках, а затем и на экзаменах во времена студенчества. Однако мне всегда казалась именно эта неспособность подготовить строгое последовательное изложение своих мыслей одним из главных моих недостатков особенно в публичных выступлениях. Так, мне никогда не давалось искусство произнесения тостов и рассказывания анекдотов.

"А как же с чтением лекций?" – спросите Вы. Да, вначале мне казалось, что педагогическая деятельность для меня совершенно неприемлема, однако обстоятельства сложились так, что пришлось еще до окончания аспирантуры заняться этим делом, причем сразу же было и чтение спецкурса, а вскоре и общих курсов. Поскольку у меня всегда вызывало неприятие чтение другими лицами по бумажке, то, конечно же, и у меня никаких записей лекций не было (о чем очень сожалел впоследствии). Были подобраны формулы, накануне проделывал вычисления, но текстовая часть выступления была всегда чистейшей импровизацией, что я всегда считал большим недостатком, ибо это приводило часто к тому, что во время лекции я отвлекался, уходил от намеченной линии, не укладывался в отведенное для данной темы время. С первых же шагов преподавания я в качестве подстраховки носил на лекцию во внутреннем кармане пиджака бумажку, на которой были перечислены опорные пункты изложения и некоторые громоздкие конечные формулы. Не помню случая, чтобы эта бумажка потребовалась в процессе занятия, но иногда в перерыве между парами я все же обращался к ней, чтобы убедиться, что я ничего существенного не пропустил. Так как занятия со студентами касались вопросов, близких к моей научной работе, то я всегда старался излагать не по имеющимся книгам, а по самостоятельным разработкам, так что материал не требовал какого-либо заучивания, а органически примыкал к моим теорфизическим изысканиям.

Был в моей лекционной практике один очень любопытный случай. Заканчивалась рядовая лекция по квантовой механике на радиофаке (я заменял весь осенний семестр 1977 года Льва Элеазаровича Паргаманика, обычно читавшего этот курс, но тогда пребывавшего на стажировке). И вдруг на меня нашло какое-то особенное вдохновение. Уже не помню, что именно послужило этому причиной. Мое состояние, видимо, передалось аудитории. Я произнес последние слова – и раздались бурные аплодисменты. В большой аудитории 5-58 я стоял на возвышении, а предо мною более сотни студентов рукоплескали. Незабываемое ощущение. Ведь это была обычная лекция, а не специальное выступление на празднике или концерте.

Добавлю, что от студентов я не раз получал поздравительные открытки. Вот две из них. Первая, совсем короткая, пришла накануне 1965

года: “Желаем большого-большого счастья в Новом году! Студенты”. Вторая – в ноябре 1965 года: “Уважаемый Владимир Владимирович! Поздравляю Вас с 48-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции! Желаю Вам хорошего здоровья, счастья, радости и благополучия; творческих успехов в благородном, плодотворном труде на благо нашей Великой Родины. С глубоким уважением. Ваша студентка веч. отд.” А однажды пришло большое письмо от одной студентки с признаниями в проявлении ко мне неких особых чувств с ее стороны. Оно не было анонимным, так что пришлось, насколько я помню, потом объясняться с этой девушкой. Был еще случай, когда признание одной студентки во время сдачи ею экзамена закончилось слезами и мне потребовалось ее успокаивать. Бывали и другие казусы, связанные со студентками, но сейчас мне не хочется их описывать.

Приведу еще один фрагмент моих наивных рассуждений о лекциях, написанный под влиянием командировки в Киевский университет, где я был в составе контрольной комиссии всесоюзного уровня.

“Кое-что о лекциях

За время чтения лекций по различным предметам теоретической физики и проведения практических занятий накопились у меня некоторые впечатления и наблюдения, о которых хотелось бы рассказать.

Составляя отзывы о лекциях преподавателей кафедры теоретической физики Киевского госуниверситета (во время инспекционной проверки в декабре 1977 года), пишущий эти строки пришел к выводу, что не все приемы, давно или не очень давно используемые им, известны теоретикам, читающим лекции (возможно, известны, но не применяются по различным причинам). На таких элементах лекционных занятий и хочется остановиться подробнее.

Начало лекции. Оставим в стороне общие рекомендации знатоков теории ораторского искусства. Речь идет о повседневном опыте в конкретных условиях нехватки времени. Все-таки желательно напомнить студентам, что было на предыдущем занятии. Может быть, кратко повторить материал, но не детали расчетов, а ход рассуждений, идеи и взаимосвязи. Заодно всплывут в памяти студентов основные обозначения, термины.

Далее целесообразно не только четко объявить, что будет предметом сегодняшнего разговора (название лучше написать на доске), но и указать конечные цели. Поставить ряд вопросов. Опять-таки имеются в виду не теоретические советы психологов обучения о создании проблемной ситуации, а практика, фактическая реализация.

Лектор только-только приступил к делу, а уже прошло минут двадцать. Для рассказывающего время летит быстро, но для слушателя (в

массе своей) это совсем не так. Студенты уже начинают уставать, особенно во время пусть и не сложных, но достаточно продолжительных выкладок. Всеми силами желательно избегать длинных математических расчетов на лекциях! Нужно встряхнуть студентов. Здесь можно перейти от конкретного материала к рассказу о том, для чего все сейчас делается на доске, либо рассказать об истории рассматриваемого вопроса, о личности исследователя, занимавшегося этими проблемами. Наконец, в середине часа можно устроить мини-паузу с легкой разминкой. Лектор говорит: “Встали!” Делает разминочные движения руками. Некоторые студенты пользуются возможностью более интенсивно поупражняться физически, часть – лишь слегка привстает и почти ничего не делает, но у всех наступает разрядка. Обычно “релаксация” после такого перерыва наступает очень быстро, а внимание студентов резко возрастает. К тому же студенты понимают, что этим проявлена забота о них, что они для преподавателя не стадо, не фон, а люди, о человеческих слабостях которых лектор помнит. Правда, и для самого лектора такой прием полезен, так как дает отдых, сбрасывает напряжение. К тому же возникают улыбки, а привыкнув, студенты ведут себя с каждым разом все более непринужденно, легче идут на контакт с лектором.

Идея мини-паузы возникла, когда мне пришлось принимать экзамены по термодинамике, где студенты подолгу сидели, готовя вопросы из билетов с задачами. Тут-то и потребовалась встряска, подъем. Затем этот прием был проверен в разных аудиториях.

Обычно вторая половина первого часа самая деловая. Здесь нужно меньше общих фраз, больше дела на доске. Все же необходимо следить за временем, чтобы звонок на перерыв не заставал вас врасплох, чтобы не задерживать студентов.

Сразу же после перерыва можно дать домашнее задание. Не сразу родилась эта форма работы, но автор старался следовать ей неотступно: домашнее задание задавалось на каждой лекции.

Почему именно в начале второго часа? Опыт показывает, что в конце лекции уже некогда давать задание, а если оно вообще задается, то идет за счет перерыва. Что входит в Д/З? Конкретный параграф из обязательной литературы. Вопросы для обдумывания (типа лекционных, обобщающие, обращающие внимание студентов на основные моменты темы и т. п.). Дополнительная литература. Например, автор каждый раз приносил к началу второго часа какую-либо книгу по связанным с лекционным материалом проблемам. Это стало традицией, которая родилась неожиданно. Книги брались из университетской библиотеки или из личного фонда лектора.

Мы говорили о домашнем задании со студентами. Они признались, что лишь единицы хотя бы иногда выполняют домашнее задание. Однако в целесообразности заданий на дом не усомнились, признав, что такое конкретное задание должно помочь при подготовке к зачетам и экзаменам.

Второй час обычно тяжел для лектора тем, что начинает чувствоваться нехватка времени, а студенты к концу лекции устают и физически, и умственно. Нужно вновь взбодрить их либо подъемом, либо оживляющим рассказом. Однако такой элемент, оказалось, нужно готовить заранее. Постепенно автор начал подбирать материал для такого рассказа впрок. Тут и шутки, связанные с личностями творцов, и меткие высказывания классиков теорфизики, и фрагменты детской литературы, и интересные факты из истории физики. Оживляющий материал обязателен и требует тщательной подготовки.

Нужно стараться вести изложение материала так, чтобы за каждым теоретическим разделом шел практический пример (тут же на лекции, а не на практических занятиях).

Разумеется, нужна работа голосом, интонация. То тихий рассказ, то резкое усиление, то спокойное повествование, то эмоции, то просто комментарии, пересказ того, что происходит на доске, то образное иносказание и очеловечивание преобразований и вычислений, то бесстрастное написание символов, то жестикуляция, переходящая в пантомиму.

Иногда сам лектор “раскачивается” постепенно. Только к концу второго часа наступает экстаз, а уже время лекции истекло. Тут нужно следить за часами, чтобы успеть подвести итоги данного занятия и наметить путь в будущее. Не гнаться за ускоренным выполнением намеченного плана лекции! Пусть студенты усваивают меньший объем, но прочнее, с повтором, со связями, с выходами.

После себя никогда не оставляйте доску грязной. Как часто приходится преподавателю стирать в начале лекции кем-то ужасно измаранную мелом доску. Обычно в больших аудиториях студенты успевают это сделать сами, но в малых аудиториях такое встречается чаще. Нельзя считать это недосмотром студентов. Это нарушение простейших этических норм взаимоотношений преподавателей.

Подведем итоги:

- а) в начале лекции – напоминание предыдущих идей и формулировка целей сегодняшней лекции;
- б) мини-пауза в середине первого часа;
- в) соблюдать перерыв;
- г) домашнее задание в начале второго часа;
- д) оживляющий материал в середине второго часа;
- е) работа голосом и жесты;
- ж) теория – пример, теория – пример;
- з) подведение итогов лекции и наметки на будущее;
- и) заканчивать лекцию строго по звонку;
- к) доску оставлять чистой.

Что же показала практика? Как велись лекции, на которых мне удалось побывать. А вели их опытные и высококвалифицированные лекторы (профессура, доктора наук, доценты). При этом они были извещены заранее, точнее, сами пригласили проверяющего на свои лекции, готовились к ним, конечно, особенно тщательно. Ни один из упомянутых элементов не был использован в полной мере. Только перерыв соблюдался с военной точностью, но всегда звонок звенел внезапно для лекторов. Никаких мини-пауз, никакого оживляющего материала, никакого домашнего задания, никаких итогов лекции (прерывалась-то она всегда внезапно). Ни работы голосом, ни жестикуляции. Редко встречалось введение в лекцию. В остальном лекции, конечно, читались профессионально, но узко, только в жестких рамках намеченного, ничего рядом, никаких обобщений, никаких связей.

Дополнение

Формы лекционного чтения менялись с годами, но всегда сильное влияние оказывал состав студентов: с некоторыми группами (потоками) быстро и легко устанавливается взаимопонимание (даже несмотря на необщительность преподавателя), другие же остаются чужими, отношения не ладятся. Конечно, самые человеческие отношения устанавливаются обычно с теми студентами, которые непосредственно работают у тебя, особенно при подготовке статей к печати, когда они и сами вносят некоторый вклад в совместную работу.

Несколько слов о предлекционном состоянии. Конечно, всегда возникает особое чувство волнения, видимо, хорошо известное актерам. Автору пришлось однажды выступить в студенческие годы, правда, перед своими же сокурсниками, но в концерте с небольшой самодельной фортепианной пьеской, так что он немножко знаком с этим чувством. Особенно сильно оно проявляется при первой встрече с группой или курсом. Ты никого не знаешь, тебя никто не знает. Это немного сковывает, но и мобилизует. Вот уже 17 лет прошло, однако свежесть таких эмоций сохранилась. Возможно, сказывается особенность характера (необщительность, замкнутость, сангвиническо-меланхолический темперамент). Но и в последующих встречах, особенно с большой аудиторией, это ощущение не затихает, хотя и несколько смягчается. Замечено, что как только идешь на занятие более спокойным, оно проходит хуже обычного (этого могут не заметить студенты, но ты отлично видишь, что дело не очень клеится). Часто это происходит без видимых причин, совершенно подсознательно. Иногда, конечно, влияет настроение, домашние заботы, состояние здоровья. Ты стараешься побороть вялость, усталость, упадок сил, но не всегда это удается сделать.

Рекомендуют перед лекцией побыть хотя бы с полчаса одному. В спокойной обстановке сосредоточиться перед выходом на сцену, проиграть мысленно некоторые узловые моменты будущей лекции. Но где это сделать? Комнат для преподавателей нет. Кафедра совершенно

неподходящее место для этого (это место для деловых скороговорок и заседаний, но никак не для работы или сосредоточений).

Декабрь 1977 года”.

Первый дипломник

Много было у меня дипломников, но среди них хочется выделить самого первого. Познакомились мы с ним во время моих пробных лекций. Он был студентом-теоретиком 4-го курса, а у меня заканчивалась аспирантура. На лекции я рассказывал о применении методов квантовой теории поля в статистической физике при расчетах магнитных свойств электронов в металлах. Тогда это было самым свежим направлением в теорфизике, и мое выступление вызвало живую реакцию студентов.

В конце августа 1960 года, перед самым началом первого для меня в ранге преподавателя учебного года, совершенно неожиданно пришел ко мне домой один из этих студентов – Саша Бланк. Он был сыном профессора Якова Павловича Бланка, читавшего нам курс высшей математики. Саша сказал, что его заинтересовала тема моих лекций и он хочет быть моим дипломником.

Я предложил ему для начала почитать недавно вышедшую книгу Боголюбова и Ширкова о теории квантованных полей, которую сам перед тем с удовольствием проштудировал, составив список опечаток и неточностей на нескольких страницах. На Сашу список произвел большое впечатление. Он удивлялся, почему я не пошлю его Боголюбову, но я считал, что это было бы нескромно. Вскоре мы уточнили тему будущей дипломной работы и приступили к делу. Саша был общительным и восторженным юношей. Это был прирожденный физик-теоретик, одержимый, любознательный. С ним было очень приятно работать.

Для меня первый год преподавания был особенно тяжелым, но Саша вдохновлял меня, то приглашая меня к себе на дачу, то предлагая покататься на спортивном автомобиле, однако я был задавлен свалившейся на меня нагрузкой и сохранял дистанцию.

Саша успешно защитил дипломную работу и попал в ИРЭ. Через него я заочно познакомился с Э.А.Канером, о котором Саша тепло отзывался. Саша быстро защитил кандидатскую диссертацию и вскоре уехал в Москву, где стал и доктором наук. В 1982 году мы с ним увиделись после большого перерыва во время похорон Ильи Михайловича Лифшица, а затем жили в одной комнате во время конференции памяти Ильи Михайловича в подмосковном Звенигороде (10-14 мая 1987 года). Затем Саша вернулся в Харьков. Он до сих пор сохранил преданность теоретической физике.

24 мая 1994 года Александр Яковлевич Бланк присутствовал на нашей юбилейной конференции. Фотографии показывают, что внешне он остался все тем же Сашей – моим милым первенцем.

Май 1994 года

Кто такие физики-теоретики

Рассказ пойдет о моих коллегах, о тех, кто преподает на кафедре теоретической физики. Профессия наша окружена некоторым ореолом таинственности, точнее, о ней мало имеется представлений не только у людей далеких от физики, но даже у студентов физического факультета и, более того, – у студентов-теоретиков. Увы! Несмотря на иногда предпринимаемые попытки объяснить, какова жизнь теоретика-преподавателя, истинной картины у людей нет, а жаль, поскольку даже в наши дни падения некоторого интереса к профессии физика вообще не слабеет поток желающих стать теоретиком.

Что же заполняет нашу жизнь, чем мы заняты? Начнем с основной нашей обязанности – учебной работы. На занятиях теоретики выступают в роли лекторов и педагогов. Чаще всего это молодые подтянутые люди, дружелюбные, улыбающиеся, приветливые. Умеющие увлечь большую аудиторию полного потока при чтении лекции и, сочетая полезное с приятным, провести практическое занятие с небольшой группой. Во время учебной практики в школе они же – в роли наставников, которые должны знать больше учителей не только специфику школьного преподавания, но и все тонкости конкретного школьного курса физики, готовы рассказать и о современных достижениях физики, и о новых путях. Итак, это и лектор, и педагог, и учитель, и методист.

Если говорить откровенно, то уже одной только этой нагрузки вполне достаточно, чтобы полностью занять все время: каждый имеет несколько лекций в неделю и несколько практических занятий, тогда как подготовка к ним, как показывает опыт, с годами требует все большей затраты времени, поскольку растет ответственность за проводимые занятия, растет кругозор преподавателя (чем больше знаешь, тем больше потребность к расширению знания), энтузиазм молодости сменяется зрелым взглядом на необходимость методической шлифовки изложения и пр.

Словом, сфера учебная наполняет жизнь теоретика-преподавателя целиком. Ан нет! Оказывается, что это всего лишь “учебная нагрузка”. Далее идет область деятельности (а ведь ни одной из этих профессий не обучают никого из них), непосредственно связанная с профессией собственно физика-теоретика. Это – сфера научной работы. Когда

выдаются свободные от занятий дни, а чаще всего это воскресенья и летний отпуск, наступает пора, когда сознание очищается от учебных и бумажных забот и можно подумать о том, что занимает твой профессиональный интерес. Это некая проблема, над которой в данное время идет работа. Не следует думать, что теоретик только сидит за столом и пишет формулы, выводит результат, преобразует и т. д. Это тоже есть, но главное не в этом. Основу составляет замысел, идея, зреющая обычно долго, вынашиваемая днями, месяцами, годами, но приходящая чаще всего неожиданно.

Впрочем, здесь не место вдаваться в детали творческого процесса. Отметим только, что результатом обычно являются несколько страничек статьи, в которых скромно отцеживаются несколько объемистых папок исписанных листов бумаги и часто годы работы. Иногда это более объемистые публикации в виде книг. Хорошо, когда удается совместить научное увлечение с преподаванием. Увы, часто это остается лишь пределом мечтаний. Правда, есть еще один вид работы преподавателя – научное руководство студентами. Курсовые (преддипломные) работы и практики, дипломные работы, совместные публикации, иногда связь поддерживается и после окончания студентами Университета, иногда выливается в сотрудничество с аспирантом и пр. Нужно сказать, что эта сфера жизни преподавателя отвечает работе научного сотрудника академического института (плюс шефство над студентами). Когда-то такая работа считалась желательной, сейчас это обязанность и совершенно естественное состояние каждого преподавателя кафедры без каких-то исключений.

Уфф! Не слишком ли много забот у этих бедных теоретиков. Оказывается нет, т. е. это далеко не все. Новая сфера деятельности – воспитательная работа. Тесный контакт со слушателями, постоянная забота об успеваемости, контрольные работы, аттестации, подтягивание отстающих, беседы на темы преподавания о профессии, личный пример, экзамены, руководство самостоятельной работой, консультации и т. д. Все это учебно-воспитательная работа, а есть еще и воспитание в чистом виде – куратор группы, роль которого в последние годы возросла настолько, что, пожалуй, при идеальном исполнении одного кураторства достаточно, чтобы заполнить все рабочее (и нерабочее) время преподавателя.

Но и это не все. Общественная деятельность в университете в настоящее время чрезвычайно многогранна: поручения по кафедре (у большинства это несколько ответственных поручений), поручения по факультету, поручения по Университету (олимпиады, кружки, комиссии,

советы, специализированные советы, заседания, собрания, комитеты, дежурства и многое другое).

И это еще не все. Нужно повышать свою квалификацию (методологические семинары, теорфизические семинары, конференции, научно-методические семинары на кафедрах, ФПК, стажировка, аспирантура и докторантура, творческий отпуск и т. п.). Но есть еще и методическая работа – разработка пособий для студентов, написание учебников, составление программ читаемых курсов и т. п.

Наконец, информационный бумажный поток на кафедру со всех сторон, требующий не только чтения поступающих материалов, но и (самое трудоемкое!) оперативной реакции на них, заключающейся в составлении отчетов, сводок, перечней, описаний, рекомендаций, перспективных планов, масштабных прогнозов развития и т. д.

Да, нелегкое житье теоретика. А внешне вроде бы улыбающиеся, часто даже беззаботные люди, находящие время для шутки, даже походят на бездельников.

А ведь у каждого еще дом, семья. У всех дети (а то и несколько). Домашних забот хватает, а еще ждет чья-то пухлая рукопись, ожидающая тщательного прочтения и подробной рецензии (включая и редактирование), несколько солидных новых изданий по твоей специальности и общефизических книг, интересные статьи в газете, увлекательный современный роман в толстом журнале. А ведь есть еще какое-то хобби (коллекционирование, спорт и пр.). А бывают и интересные передачи по теле. А есть еще и мир театра и кино, природа.

Все стоя, на ногах, непрерывное напряжение голоса, внимание, быстрая реакция на вопросы и реплики во время занятий, искусство поддерживать интерес слушателя, занять всех, оживить рассказ, взбодрить и т. д.

Обо всем этом не подозревают многие жаждущие стать теоретиками. Правда, они и не готовят себя к деятельности преподавателя-теоретика, как не готовились и те, кто сегодня работает в штате кафедры теоретической физики, нисколько не жалея о выпавшей на их долю тяжелой, часто изнурительной, но доставляющей секунды редкого удовлетворения на фоне непрерывных поисков, неудач, огорчений и сомнений.

Еще 10-15 лет назад интенсивность жизни была совсем иной. Тогда все сказанное только зарождалось. Сейчас это норма.

Такова теорфизическая жизнь преподавателя, несколько сглаженная, приукрашенная, обобщенная, усредненная.

1981 год

Аудитории

В тесных условиях старого корпуса на Университетской, кажется, никогда не существовало проблем с аудиториями. Возможно, от нас они были скрыты, но минимальные условия для занятий всегда имелись. На досках можно было писать. На мел не жаловались. Тряпки традиционно оказывались не очень приличными, но вполне удовлетворительными.

Только сам став преподавателем, я познал все тонкости проблем, связанных с аудиторными условиями. Правда, первое время многие занятия у меня проходили в биокорпусе на улице Тринклера, где все велось по-старому, все было в порядке. Более того, одно время для преподавателей отводилась специальная комната отдыха, наподобие учительской в школах. Однако я был молод, считал, что мне нечего занимать там место. Но важен был сам факт, что кто-то заботился о преподавателях.

Совсем иная картина сложилась в новом здании. Хотя здесь завели специальную диспетчерскую службу, но аудитории распределялись всегда вслепую, без учета специфики проводимых занятий, поскольку обеспечивающий персонал принадлежал, видимо, к гуманитарной сфере. Совершенно не учитывалось, что для чтения лекций или проведения практических занятий по теоретической физике годится не всякая аудитория.

Очень важно, чтобы доска была достаточно большой и чтобы на ней можно было писать мелом. Ни то, ни другое очень часто не соответствовало минимальным требованиям, но расписание было заранее составлено и просьбы о смене аудитории воспринимались как каприз. Мол, будьте довольны, что вообще есть аудитория. Да, бывало, что занятия приходилось вести в саду Шевченко, если было тепло. Особенно с дипломниками и курсовиками, а также во время так называемых политчасов.

С мелом тоже постоянно возникали осложнения. Сочетание хорошей доски с хорошим мелом считалось большим благом для преподавателя. Сколько нервной энергии уходило в случае их несоответствия! Как часто приходилось работать в аудитории, где в уголке (буквально) на стуле располагалась малюсенькая доска, на которой к тому же писать было невозможно.

Казалось бы, самое необходимое для успешной работы – обеспечение нормальных условий. Размер аудитории должен соответствовать числу студентов в группе. Доска должна отвечать требованиям читаемого предмета. Мел и тряпка должны быть в каждой аудитории.

Об условиях освещения или о вентиляции я уже не говорю, – это вообще выходило бы за рамки понимания. Никто этими вопросами не занимался, никто не отвечал за соблюдение элементарных норм. А часы?! Во многих аудиториях висели настенные часы, но с годами они то показывали неточное время, то навсегда останавливались.

Сколько раз за долгие годы мне приходилось слышать подобные жалобы от разных лиц на разных собраниях. Даже иногда принимались некие решения, обязующие кого-то наладить дело, но до сих пор ситуация только ухудшается.

Впрочем, в нынешние времена об этом и заикаться нечего на фоне всеобщего безобразия. Однако даже в более благополучные периоды случались какие-то сбои с мелом. Вдруг поступала партия, даже внешне не похожая на писчий материал – серые твердые камни, оставляющие на доске только царапины.

Первые годы я носил с собой куски хорошего мела и личную тряпочку в пластмассовом пакетике. Ходил добиваться аудитории с приличной доской. Иногда удавалось чего-то достичь, но чаще всего я встречал полное непонимание, даже раздражение. Мол, молодой теоретик с жиру бесится, капризничает, привередничает. Доска ему, видите ли, мала. Да у нас академики, дескать, и то без жалоб обходятся, а с ним нужно цацкаться!

Весна 1994 года

Бюрократия

Мне кажется, что в студенческие времена как-то совершенно выпадали из нашей жизни деканы. Помнится, на первых курсах деканом был крупный, пожилой, флегматичный мужчина с необычной фамилией – А.И.Сластёнов. Видел его несколько раз издали. Позднее появился некто В.Ф.Сутулин – человек средних лет, мрачноватого вида, нагонявший страх на хвостистов.

Однако создавалось впечатление, что на физмате эти люди были второстепенными фигурами. Всеми делами вершила секретарша Анастасия Титовна Маштакова с помощницами, среди которых уже была ее преемница – Надежда Леонтьевна Шейко. Деканы сидели в своих кабинетах, изредка появляясь по особым случаям (собрания, демонстрации, воскресники). Больше были известны заместители деканов (по каждому из трех отделений – математическому, физическому и ядерному – был свой заместитель, соответственно И.Е.Тарапов, А.И.Бублик и Г.Е.Кривец).

Из более высоких фигур мне были известны ректор И.Н.Буланкин и проректор В.И.Махинько, регулярно выступавший на университетских комсомольских конференциях, а также завхоз Якубович, о котором ходили не очень приличные анекдоты. Впоследствии число разного рода проректоров экспоненциально росло, достигнув к 90-м годам десяти, включая ректора (говорили, что это им посвящены воздвигнутые в это время именно в таком количестве колонны при входе в Университет).

Вся эта публика, как и сменившие их потом другие лица, были страшно далеки от преподавателей, не говоря уже о студентах. Они витали в каких-то высоких сферах, просиживали в кабинетах, изредка пробегая в ожидавшие их автомашины, посещали обкомы и горкомы партии, проводили разные заседания, советы, совещания и собрания, грозные решения которых и приказы распространялись, но обычно ничего не меняли.

До того как я попал в Университет, у меня было совершенно иное представление о начальниках. Жили мы всегда в среде людей, связанных с ХТЗ, а во время войны – СТЗ и АТЗ. Не только по рассказам своего отца, занимавшего высокие должности, но и на своем опыте я убеждался, что для руководителей производства всегда главным было создать условия для работы людей: сначала обеспечить жильем и питанием, дать зарплату и оборудовать рабочее место, а уже затем требовать результатов, имея для этого основания.

Тут же всегда поражала полная отрешенность административной пирамиды вместе с огромным аппаратом от нужд подчиненных им людей. Никогда я не слышал от этой публики ни слов приветия (некоторые и здороваться не позволяли себе), ни заботы о нуждах, не говоря уже о предложении чем-либо помочь. Прийти в кабинет этих чиновников добровольно означало подвергнуться унижению, а если туда и вызывали, то только не для душевной беседы. А ведь от них и требовалось-то иногда всего лишь ласковое слово, доброе сочувствие, и люди могли все стерпеть, а производительность – резко возрасти. Но нет. Они, видимо, никогда не задумывались над этими проблемами. Их так учили сверху, они не удосуживались проштудировать, что писали об организации работы мудрые деятели всех эпох. Они жили как бы своей жизнью. Строили себе дачи, получали машины, ездили за границу в "командировки" и на отдых. А рядом шла другая жизнь – учились бедные студенты, трудились в тяжелых материальных условиях преподаватели и научные сотрудники. Но эти два массива связывали только маленькие перемычки, через которые непрерывным потоком с одной стороны шли приказы, распоряжения,

решения, указания, угрозы, ругань, а в другом направлении – отчеты, планы, рапорты, объяснения, справки, оправдания.

Грустная картина. А ведь они сами же были часто выходцами из преподавательской среды, но чуть уйдя из нее, забывали о прошлом, о своих коллегах, – перед ними открывались необъятные просторы деятельности ради деятельности.

В малых вузах это, видимо, было бы невозможно, а в огромном Храме бедной науки это стало нормой. Сам масштаб выработал эту форму квазитруда.

Среди них попадались вполне приличные люди, иногда даже интеллигентного вида, но структура была такова, что они волей-неволей превращались в некий организм, работающий на себя и выше. Казалось, не будь студентов и преподавателей, они продолжали бы так же имитировать работу, как и с ними, хотя тогда не на ком бы было паразитировать.

Вся эта ситуация давно и образно описана в законах Паркинсона. И выход, видимо, только в придании истинной самостоятельности отдельным факультетам и в переформулировке целей администрации как координатора, советчика и исполнителя воли факультетов, т. е. пирамида должна быть перевернута – аппарат должен обслуживать работающих, а не наоборот.

В Храме Науки самой науке отводилось едва ли не последнее место. Вначале шла учебная работа, потом политико-воспитательная, затем методическая, далее общественная, следом организационная, а уж под конец – научная. О научной работе преподавателя вспоминали только при его переизбрании, тогда как при защите диссертации предъявлялись одинаковые требования и к тому, для кого научная работа была единственным видом труда, и к тому, для кого это была побочная деятельность, почти хобби. Нет другого примера профессии, в которой предполагалось бы 6(!) видов деятельности, а зарплата была бы недостаточной даже для одной из них.

В те времена мы как-то даже не задумывались над этими проблемами. Служение Науке было столь почетным, овеяно таким ореолом, что казалось кощунственным зарабатывать на служении ей. Хотя наши воспитатели как раз за нее-то и получали деньги, работая в научных учреждениях, а преподавание было для них хобби. Этот парадокс теперь кажется удивительным.

Всегда возмущало полное безразличие администрации к возможностям тех людей, которые работали преподавателями и творческий потенциал которых совершенно игнорировался. При иной организации дела научные и учебные результаты были бы совсем другими.

Никого не интересовали возможности специалистов. Они либо замалчивались, либо всячески задавливались третьестепенными поручениями, необоснованными обвинениями.

Особое отношение было к совместителям из научных учреждений, которых вообще игнорировали, не считая их сотрудниками, рассматривая их в качестве нахлебников, усугубляя этим и без того натянутые отношения между администрациями ХГУ и академических институтов, на практике стремясь обрывать всякие связи, хотя на словах и провозглашалось стремление к таковым.

С большим сожалением следует признать, что администрация не прислушивалась к мнению опытных преподавателей и научных сотрудников. Наоборот, этих людей всячески затирали, видя в них потенциальных разоблачителей неблагоприятной деятельности недалеких правителей, и отбирали у них чувство нужности – столь важный стимул в жизни каждого человека.

P.S.

Эта заметка писалась в период начавшейся перестройки, когда казалось, что новые веяния помогут преодолеть пережитки прошлого, избавят от бюрократической несуразности управления университетской жизнью. Чем все это обернулось на практике, судить читателю.

Экзамены

Неизбежное зло в жизни каждого человека. Обычно это тяжелое испытание. Правда, не для всех. Попадаются студенты, которых это мало волнует. Они спокойно и уверенно проходят эту стадию обучения. Другие тоже лихо проскакивают с помощью всяких отработанных поколениями приемов. Но большая часть, конечно, же испытывает большое потрясение. Стрессовое состояние одних мобилизует, у других выбивает почву из-под ног настолько, что они совершенно теряются.

Вспоминая свои школьные и студенческие годы, могу признаться, что всегда очень волновался, хотя старался готовиться добросовестно. Никогда в жизни не пользовался шпаргалками. Это может показаться бравадой, но это был жизненный принцип. Студентом старался вообще сдавать без подготовки физико-математические предметы, но не общественные. Волнение, однако, действовало мобилизующе. В обычном состоянии я молчалив, рассеян, погружен внутрь. Однако в ответственные моменты внутреннее перестроение иногда дает возможность делать то, о чем даже не представляешь себе в спокойном состоянии. Это позволяло на экзаменах получать приличные оценки. Но, конечно, не только на

экзаменах. Если же стимул отсутствовал, то охватывала обычно расслабленность.

Однако вернемся к вопросу об экзаменах. Сразу же с аспирантской скамьи я попал в водоворот студенческо-преподавательских игр. Основной учебной нагрузкой были практические занятия по общей физике – решение задач в группах физиков (и радиофизиков). В первом же семестре предстояли прежде всего зачеты. В те времена были очень популярны коллоквиумы. Они были как бы репетицией зачетов и экзаменов. Ко

*И.П.Терникова и В.В.Ульянов
стали супругами.
Дворец бракосочетаний,
14 июня 1963 года*

времени зачетов уже сразу же была ясна картина, кто должен получить зачет-автомат.

Я сам только-только прошел все стадии разного рода сдач экзаменов. Хорошо помнил, как иногда эта процедура искусственно затягивалась, хотя было ясно, кто заслуживает автомата, а с кем нужно еще побеседовать, а иногда полезно и погнать. Не все преподаватели оперативно решали эти проблемы. С первых шагов своей самостоятельной работы, я старался не затягивать опрос. К сожалению, в те времена экзамены-автоматы не разрешались, но все равно достойного студента можно было очень быстро проверить.

Тут уместно упомянуть об одном принципиальном подходе к приему экзаменов. Одни преподаватели считают,

что на экзаменах студенты не должны пользоваться никакими пособиями: запрещены книги, конспекты, нельзя выходить во время экзамена. Обычно это приводит к ответной реакции в виде шпаргалок, вызывает неизбежные конфликты, портит отношения еще до самого акта проверки знаний.

Другая категория преподавателей считает, что студент может пользоваться чем угодно, выходить из аудитории, т. е. пользоваться чужой помощью, и т. п. Это приводит обычно к тому, что студенты составляют капитальные записи, надеясь на их зачтение при ответе, но не способны ответить на вопрос за пределами подготовленных разделов.

Я всегда разрешал пользоваться чем угодно, но предупреждал, что спрашивать буду не только по материалу билета, а тех, кто не может оторваться от бумажки, сразу переводил на разговор за ее пределами.

Видимо, не существует оптимального способа, а требуется знание особенностей каждого обучаемого. К сожалению, лектор имеет дело с большим числом студентов, когда исключен индивидуальный подход.

Я всегда поощрял ответы без подготовки, но добровольцев было очень и очень мало.

В чем же основная проблема. Увы. Большинство не стремилось к овладению знаниями и не рассматривало экзамен, как этап прямого общения с преподавателем, в ходе которого можно многое уточнить, как возможность закрепить знания.

О некоторых комичных случаях на экзаменах, которые я принимал.

Солидный вечерник старался отвлечь меня от конкретной беседы по билету: давал повесть И. Грековой в журнале “Новый Мир”, заводил разговор о моих увлечениях и в их русле пытался вести дискуссию.

Предприимчивый жуликоватый солидный студент применял оптический способ обмана с полупрозрачной бумагой: он полагал, что сбоку ничего не было видно, а текст доступен только ему для просмотра сверху. Однако трюк быстро был раскрыт. Он никак не мог понять почему мне стало весело. Я едва сдерживал смех.

Получив билет, некто садится за парту и гипнотизирует: глаза широко открыты, смотрит прямо на преподавателя, но взор застывает, чувствуется напряжение. Что происходит? Это первая стадия подготовки: чистая бумага лежит перед ним, ручка рядом, а руки заняты – вытаскивается шпаргалка.

Многие пользуются шпаргалками, хотя определить экзаменатору, была ли использована шпаргалка очень легко: листки исписаны аккуратно, все выкладки сопровождаются пояснениями, явно не составленными сейчас, а переписанными, да и вывод всех формул своей аккуратностью выдает списывание. На любой новый вопрос следует ответ даже у хороших студентов очень далекий от того, что излагается по шпаргалке.

Однажды разговор со студентом не получался, хотя казалось, что он кое-что знает. Я спросил, что ему мешает отвечать. Он долго мялся, но признался в конце концов, что “боится матюгнуться”.

Обиднее всего бывало, когда студент начинал хорошо отвечать и я уже готовился поставить отличную оценку, но стоило чуть-чуть отойти от выученного им вопроса, как все очарование исчезало.

Весна 1994 года

К лирическим отступлениям

Ай! Как же не хватает чего-то. Пишешь, пишешь, устаешь, спешишь изложить факты, а что-то ускользает, теряется. Живость притупляется. Эмоциональность вытесняется рассудительностью. А хочется остановиться, подработать текст. Добавить чего-нибудь свеженького, как-нибудь разнообразить повествование. Читателя нужно увлекать, отвлекать, завлекать...

Ходоки

Теоретикам часто присылали свои открытия крушители устоев науки в виде писем с изложением идей, которые, по их мнению, должны были совершить переворот в каком-либо разделе, а то и во всей физике.

Вспоминаю соответствующий эпизод в начальный период моей работы на кафедре. Однажды Леонид Степанович Гулида – секретарь нашей кафедры – с таинственной добродушной ухмылкой вручил мне некий конверт с письмом. Он попросил меня внимательно прочитать текст и написать отзыв автору. Это, мол, рассуждения любителя теоретической

*Владимир Владимирович Ульянов
Харьков, 1963 год*

*Инесса Павловна Ульянова
Харьков, 1963 год*

физики и нужно ему ответить.

Когда я первый раз пробежал глазами по прилагаемым нескольким тетрадным листикам, мне показалось, что это шутивное послание в духе пародий на работы теоретиков. Однако “во втором чтении” становилось ясно, что человек написал этот трактат вполне серьезно, однако, во-первых, грамматические ошибки мешали сосредоточиться на физическом

содержании, а во-вторых, автор манипулировал физическими терминами немного невпопад. Наконец, редкие известные формулы были написаны с ошибками.

Стало ясно, что человек имеет некоторое представление о физике в рамках школьных сведений, которые дают очень упрощенное представление о точных науках и о пределах применимости этих наук и соответствующих формул.

Когда я обратился к Леониду Степановичу за советом, нужно ли давать развернутую рецензию и указывать автору на его ошибки встречающиеся на каждом шагу, то получил совет не делать этого, а ограничиться вежливым указанием на пару некорректностей и дружескими пожеланиями незадачливому автору. Это был весьма полезный урок, так как копаться в огромном массиве нагромождений неверных посылок и ошибочных выводов в такого рода трактатах означает тратить время впустую и лишь накапливать раздражение. К тому же часто переписка не заканчивается на отзыве, а настырные открыватели начинают по каждому пункту разоблачения дискуссию, стараясь оправдать свои заключения, и втягиваться в подобные бесперспективные споры не следует.

Впоследствии много раз подобные истории повторялись. Чаще всего от таких крушителей устоев физики доставалось Эйнштейну, а также квантовой механике. Хорошо, если переписка с подобными авторами заканчивалась на однократной рецензии: некоторые упрямые любители теоретических открытий в ответ присылали новые послания с уточнениями своих воззрений и претензиями, что их не поняли и т. п. В конце концов, посчитав, что тут дело не пройдет, они, видимо, начинали бомбардировать своими сочинениями другие учреждения.

Однако далеко не всегда такие истории заканчиваются столь мирно. Бывают случаи, особенно в последние годы, когда ходоки появляются на кафедре и пытаются очно доказывать правоту своих открытий. Причем в случае неудачи обращаются с жалобами в разные инстанции, вплоть до центральных партийных органов в недавнем прошлом или органов высшей администрации в нынешние времена, если давление на ректора или проректора не дает результатов. Иногда эти квазилюбители грозят, что вынуждены будут свои открытия направлять в далекое забугорье, что может, мол, нанести урон безопасности нашей страны и т. п. Обычно это пенсионеры с техническим образованием, которые получили весьма поверхностные знания по физике, и теперь, на досуге, стремятся двинуть физику дальше, не подозревая, что это уже давным-давно сделано в серьезной науке на совершенно ином уровне.

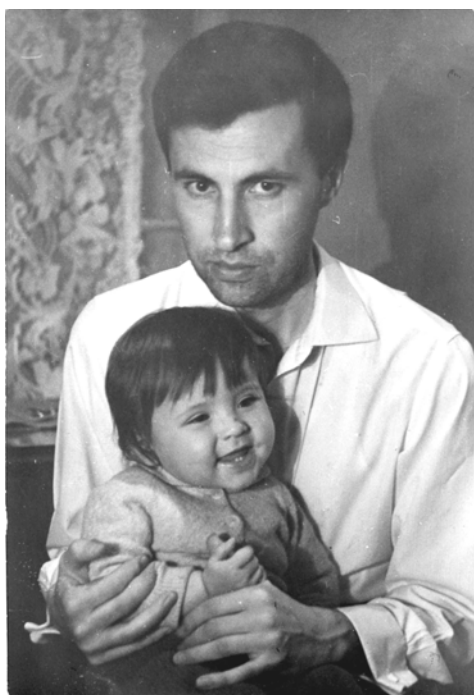
Нечто подобное приходилось испытывать и при рецензировании статей в солидных физических журналах или книг по физике. Однако это отдельная тема.

О другом типе пенсионера – истинном любителе физики – говорится в заметке, помещаемой далее.

Уникальный студент

В первые же годы моей преподавательской деятельности судьба преподнесла незабываемый сюрприз, познакомив с удивительной личностью.

На заочном отделении физфака, где мне поручили читать несколько теорфизических дисциплин, среди солидных дядей выделялся пожилой сухощавый оживленный слушатель. Одевался он очень просто. Вел себя

*Владимир Владимирович Ульянов
с сыном Колей (Харьков, 1969 год)*

скромно. Был исключительно вежлив. Чувствовалось хорошее воспитание. Никогда не злоупотреблял вниманием, которое ему оказывали как студенту-ветерану. Старческое, морщинистое лицо его было одухотворено искренним интересом к физике. Звали его Викентий Францевич. Первые сведения о нем я получил от его коллег по группе.

На зачетах и экзаменах он довольно толково отвечал, но мне было неловко терзать пожилого человека, так что я быстро отпускал его с отличными оценками.

Вскоре заочное отделение физфака закрыли. Однако Викентий Францевич появился на вечернем

отделении, где я читал теоретическую механику. Было очень приятно увидеть среди новых студентов знакомое лицо. В перерыве мы с ним встретились как старые друзья. Викентий Францевич объяснил, что его интересует более глубокая проработка курса. Не знаю, был ли он столь же любознательным по отношению к другим дисциплинам.

Позднее, когда мне поручили читать квантовую механику, вновь среди слушателей выделялся милый Викентий Францевич. Постепенно он приоткрыл тайну своих появлений. Он закончил когда-то Технологический институт (кажется, еще до революции) и многие годы

работал по специальности. Выйдя на пенсию, он увлекся физикой и решил по-настоящему освоить эту науку. Особенно его интересовали теоретические разделы.

Как-то мы с ним вышли вместе из Университета, и он немного рассказал о своей жизни. К сожалению, я не запомнил деталей и не записывал ничего, что могло бы когда-нибудь пригодиться.

Он тщательно конспектировал лекции, посещал консультации и дополнительные занятия. Обычно вопросы студентов были или слишком поверхностными, касаясь второстепенных деталей, или оторванными от конкретного предмета. Викентий Францевич всегда спрашивал по делу, глубоко вникая в сущность. Однако делал это он обычно в перерывах между парами или во время консультаций, не считая нужным проявлять свою осведомленность во время лекций или опасаясь поставить лектора в неловкое положение. Это еще больше возвышало его в моих глазах.

Кажется, он не был приписан к какой-либо студенческой группе, переходя с курса на курс, однако зачеты и экзамены сдавал наравне со всеми. Он неизменно вызывал мое восхищение, хотя встречались студенты и посильнее его. Затем Викентий Францевич стал появляться и на дневном отделении. Постепенно пробрался и в группы теоретиков, испросив разрешение бывать на моих лекциях. Видимо, нас связывала взаимная симпатия. Ему уже тогда, кажется, было порядка 70 лет, а я только начинал свой путь преподавателя.

Сейчас уже не помню, по какой кафедре он специализировался и защищал ли дипломную работу...

Прошло много лет, и вдруг я получаю письмо от этого уникального легендарного вечного студента. Исключительно теплое, трогательное послание, в котором незабвенный Викентий Францевич вспоминает наши первые контакты и своего товарища В.Г.Свидерского, – моего бывшего дипломника, – фрагмент письма которого с благодарным упоминанием моей персоны он приводит. Письмо от 22 ноября 1973 года. Подписано – В.Марковский. Благодаря этому я вновь знаю его фамилию. Всегда помнил и с большим удовольствием произносил его необычные имя и отчество – Викентий Францевич, – но фамилия забылась.

Этот человек оставил о себе настолько светлую память, что я очень рад возможности поведать о нем в качестве исключительного примере личности, беззаветно преданной ФИЗИКЕ. Думаю, что в истории нашего Университета едва ли найдутся аналоги таких ультравеликовозрастных студентов, как это Дитя физмата.

Удивительный декан

Мне довелось видеть всех послевоенных деканов физмата, а потом и физического факультета ХГУ. Со многими из них у меня были какие-то контакты как в период студенчества, так и в годы преподавания. Они оставили разное впечатление. Видимо, сама должность накладывала на многих из них отпечаток суровости. Однако были и такие, о которых сохранилось приятное воспоминание. Одним из них был Игорь Николаевич Шкляревский. К сожалению, он работал деканом недолго, и мне с ним фактически общаться не пришлось. А вот о другом человеке, ныне, к прискорбию, покойном, хочется написать несколько подробнее. Увы, он сидел в кабинете декана очень короткий срок, но оставил о себе исключительно отрадное впечатление. Речь идет о Виталии Александровиче Первакове.

Как-то я, будучи молодым преподавателем, должен был по какому-то делу побывать у декана. Кажется, нужно было подписать мелкий документ, возможно, справку. В деканате мне сказали, что в данный момент деканствует В.А.Перваков. Этого человека я знал еще со времен студенчества, так как он постоянно находился в свите Бориса Иеремиевича Веркина, читавшего нам общую физику, вел лабораторные занятия, но не в нашей группе. У меня с ним никогда раньше не было никакого контакта.

*Владимир Владимирович Ульянов с сыном Колей
Харьков, площадь Дзержинского, 21 июля 1969 года*

И вот я переступаю порог кабинета декана в некотором смущении: впервые предстоит общаться с человеком, о котором я слышал только одно от своих сокурсников – это строгий физик. Каково же было мое изумление, когда этот немолодой, уважаемый человек, при моем появлении не только поздоровался со мной (что было нетипично для многих деканов, вяло откликавшихся на приветствия своих подчиненных, а то и вовсе игнорировавших их), но даже встал со стула, вышел из-за своего стола и тепло пожал мою руку. Более того, он был настолько деликатен, обходителен, что поставил меня в тупик. Заботливо усадил меня, участливо отнесся к моей просьбе, принес извинения по какому-то поводу. Даже упомянул, что он всего лишь исполняет обязанности декана, чувствуя, видимо, себя не очень уютно в этой случайно доставшейся ему временной должности. Уже тогда я был поражен оказанным мне – простому молодому преподавателю – удивительно вежливым, интеллигентным приемом.

К сожалению, Виталий Александрович оставался деканом очень и очень недолго. Больше я с ним в этом качестве не общался, но зато с тех пор отношение мое к этому человеку стало совершенно определенным – восхищение и радость от сознания того, что есть еще подобные люди, и сожаление, что их очень и очень мало среди занимающих высокие должности. И можно было только фантазировать о том, как бы нам жилось, если бы такие люди руководили нами.

Уже через много лет мне посчастливилось еще раз поговорить с этим редким человеком. Дело было на каком-то воскреснике, где мы с Виталием Александровичем оказались руководителями двух групп студентов, работавших на стройке. Это было в начале 80-х. У меня как раз вышли из печати две книжки, а Виталий Александрович готовил к изданию свою монографию. Он, как всегда чрезвычайно деликатно, обратился ко мне с рядом вопросов по издательской технологии как к опытному автору. И вновь было приятно убедиться, что мое прежнее исключительное впечатление об этом человеке оказалось подтвержденным и закрепленным.

Осенью 1999 года на семинаре памяти Б.И.Веркина Виталий Александрович выступил с очень интересными воспоминаниями. И мне открылась еще одна сторона его многогранной личности – мягкий дружественный юмористический талант рассказчика. Тогда же я успел записать эти очень понравившиеся мне истории и показать Виталию Александровичу, который внес поправки для будущей, как мы с ним надеялись, публикации.

Первая книга

Примерно в 1970 году Леонид Степанович Гулида впервые заговорил со мной о написании книги, но мне было не до этого: готовилась диссертация. Через год, когда материал для диссертации был подготовлен, состоялся более конкретный разговор, в результате которого я дал согласие приступить к созданию учебника. Был установлен срок, но обязательство попало в какие-то бюрократические завихрения и в издательские планы не вошло.

И только в начале 1976 года при планировании изданий на очередную пятилетку книга была внесена в официальный план. В издательский отдел ХГУ мною были поданы требуемые бумаги (расширенная аннотация, план-конспект и т. п.). После этого был установлен контакт с заместителем редактора издательства "Высшая школа" и подписан договор, по которому я обязан был представить рукопись книги 10 сентября 1977 года, а книга должна была выйти в свет в 1979 году.

Надо ли говорить, что я делал все от меня зависящее, чтобы уложиться в срок. Особенно напряженно работал на финише: во время летнего отдыха в Сочи и в первых числах сентября 1977 года.

Это был период необычайного творческого подъема. Никогда ранее (даже во времена защиты диссертации) я не испытывал ничего подобного. Все было подчинено одной цели. Бумага и ручка были при мне круглосуточно. Даже ночью я вскакивал, чтобы записать удачную мысль, новую формулировку, оригинальное решение. Впервые я работал и на пляже.

10 сентября 1977 года рукопись была представлена в издательство. Больше года длилось тайное рецензирование книги. Затем пошел период интенсивной работы с редактором. Долго шла торговля в связи с эпиграфами.

Книга была задумана как совершенно оригинальное пособие, не имеющее аналогов в мировой литературе. Она была рассчитана на разные уровни подготовки, вплоть до самого высокого. Делалась с расчетом на будущие поколения, содержала в основном оригинальные задачи, рождавшиеся в процессе преподавания и научных исследований автора. Хотелось создать нечто новое как по содержанию, так и по форме.

К тому времени задачки по квантовой механике давно стали библиографической редкостью, а по квантовой статистике и кинетике специальных задачников и вовсе не было. Книгу решено было назвать "Задачи по квантовой механике и квантовой статистике", но это не был сборник задач в традиционном понимании.

Подбирались разделы квантовой теории, которые ранее были менее разработаны в учебниках и монографиях, или совершенно новые. Особое внимание уделялось подбору включений типа эпиграфов, которые долго и тщательно подбирались мною. По первоначальному замыслу они должны были вводиться внутрь текста. Для них даже был придуман специальный термин – я назвал их "энтографами". Однако в редакции и слушать не хотели ни о каких энтографах. Даже эпиграфы поначалу вызывали возражения. Действительно, в те времена в отечественной учебной литературе не было соответствующих прецедентов. Меня убеждали, что не следует рисковать: мол, в Минвузе все равно не разрешат издавать учебник с эпиграфами. Однако риск оказался оправданным. Книга, как мне всегда казалось, от них только выиграла. Работал я с большим энтузиазмом. Было много творческих споров с редактором – строгой и знающей молодой женщиной, старавшейся сдерживать мои литературные порывы в стремлении придать серьезной книге живость и увлекательность.

Самым неприятным сюрпризом для начинающего автора оказалось включение в самое начало предисловия идеологизированной фразы без моего согласия. Это было очень неприятно, но все же книга удалась, хотя обложка тоже была сделана не по моему эскизу, который посчитали слишком скромным и заменили на некую полуабстрактную претенциозную композицию, с которой я потом все же свыкся.

Если бы я знал заранее, сколько труда потребуется, видимо, ни за что бы не ввязался в это многоэтапное предприятие. Сейчас не перестаю удивляться, что мне удалось без какой-либо помощи самому осилить эту книгу.

Для каждого параграфа тщательно подбирался материал, проделывались расчеты. Остались в большом количестве папки, в которых собраны решения предлагавшихся задач. Многие задачи были рассчитаны на солидную проработку, многие из них могли бы составить основу для научной работы. Каждый параграф имел многоплановое построение: перечень тем, формулировки задач, замечания, ответы, приложения.

Теперь, беря в руки эту книгу, я не перестаю удивляться охвату тематики. Только неопытность, молодость, неискушенность могли замахнуться на это. Сейчас ни за что бы не осилил, видимо, и десятой доли сделанного.

Ныне уже можно признаться, что книга получила прекрасные отзывы от многих физиков-теоретиков, вплоть до самого высокого уровня. Беру на себя смелость привести письмо доктора физ.-мат. наук Ильи

Абрамовича Гишинского (Институт физики полупроводников СО АН СССР):

“Глубокоуважаемый Владимир Владимирович! Большое спасибо за Вашу прекрасную книжку. По отбору материала, его полноте, характеру изложения задачник является уникальным – не только в нашей стране, но, вероятно, и в мировой литературе. Трехтысячный тираж для такой книги – капля в море. Уверен, что она должна быть издана всесоюзным издательством и непременно будет переведена на другие языки. Поздравляю Вас с великолепной работой и надеюсь увидеть Ваши новые книжки.

С искренним уважением

И.Гишинский

5/VII-81 г.”

Если бы я больше ничего не создал, то и тогда считал бы, что выполнил свое научное предназначение в этом мире, хотя оказалось, что мои главные научные достижения были еще впереди.

Книгу сдали в набор летом 1979 года. Вскоре она была подписана в печать, так что в начале 1980 года я держал в руках первые 10 авторских экземпляров в особом, экспортном исполнении – более яркое золотое тиснение, золотистая рамочка на торце и т. п. Тираж – 3000 экз. Половину направили за границу. По моей предварительной заявке удалось получить только около 30 экземпляров на подарки знакомым. Пытался я купить еще, но ни в Харькове, ни в Киеве, ни в Донецке книг уже не было в продаже, хотя позднее мне сообщили, что в Евпатории и Славянске она стоит на полках магазинов. Мой бывший дипломник прислал мне однажды пачку книг. Я посылал открытки в магазины разных городов с просьбой выслать книгу наложенным платежом, но безрезультатно.

Гонорар составил около 1500 рублей, что не окупало даже стоимости затрат на издание, но тогда это было для меня совершенно не важно.

Был приобретен богатый опыт. Творческий маховик был запущен. Подсознательно я уже был готов продолжать начатое дело. Было собрано много материала. В книгу вошла лишь часть сделанного. В процессе работы возникли новые идеи, затронуты новые направления. Словом, накопленное требовало оформления.

Докторантура

Еще велась работа над первой книгой, а я уже получил отлучку от преподавания для работы над докторской диссертацией. В мае 1979 года

(приказ от 04.05.1979) я был переведен на должность старшего научного сотрудника. Тогда в такой форме осуществлялась докторантура.

Составлялся подробный двухлетний план работы над диссертацией. За предыдущие годы было уже довольно много работ опубликовано, так что материал для диссертации накопился солидный. Так как опыт работы над книгой у меня был, то сразу же было принято решение делать диссертацию в виде монографии. Один из доводов был следующим: обычная диссертация фактически никем не читается, кроме оппонентов, так что труд остается неизвестным широкому читателю. Конечно, отдельные части работы в виде статей публикуются, однако это разрозненные фрагменты, а целостного представления не остается. У меня уже был период, когда выполнялись работы, но так и оставались долгое время неопубликованными, пока не появилась возможность хотя бы некоторые использовать в изданных книгах.

Только я стал осваиваться в новой роли, как ректор Иван Евгеньевич Тарапов предложил мне трехкомнатную кооперативную квартиру. Я очень и очень благодарен ему за это. В то время мы с женой, сыном и тещей ютились в одной комнатке коммунальной квартиры (ул. Чайковского, 5, кв. 41). Нечего и говорить, что мы очень обрадовались такому подарку судьбы, хотя за квартиру требовалось внести все, что было у меня накоплено на сберкнижке за годы работы.

Все лето мы наблюдали за строительством, еще до начала которого путем жеребьевки супруга вытянула для нас квартиру на 11-м этаже. Осенью мы постоянно приходили в еще незаконченный дом, помогая строителям в своей будущей квартире. К началу зимы мы получили ключи и начали ремонт. Довольно быстро мастера покрыли все поверхности выбранными нами обоями, но в кухне, ванной и уборной за дело взялись случайные мальчишки, из-за которых ремонт затянулся на всю зиму. Уже была куплена мебель для всех трех комнат и для кухни, а мы все тянули с заселением, так как к тому же в квартире было очень холодно – порядка десяти градусов выше нуля. Понемногу перетаскивали мелкие вещи на санях со старой квартиры.

Но вот наступила весна, и 20 марта 1980 года мы переехали, наконец, в новое жилье. Однако радость новоселья была омрачена ужасным горем – 24 марта умерла моя мама. Она так радовалась, что у нас, наконец, появилось приличное жилье, но увидеть его так и не смогла. Отец остался один. Тяжелые переживания одолевали его. Нужно было его отвлечь от горестных дум. В середине апреля мы с ним отправились в Москву. Незабываемое время. Снова мы жили в квартире тети Мани, как почти тридцать лет назад.

Удалось повидаться с Ильей Михайловичем Лифшицем и преподнести ему только что вышедшую из печати мою книжку. Мы с ним обсудили предварительный вариант содержания моей докторской диссертации.

Так прошел первый год моей докторантуры. Тем временем монография также постепенно продвигалась. Много мороки было с названием книги. Перебирались различные варианты. В конце концов, после обсуждений с коллегами, остановился на более кратком: “Интегральные методы в квантовой механике”, хотя затронутые там вопросы и выходили за рамки квантовой механики. Впоследствии, когда было решено написать диссертацию в традиционном виде, она получила более пространное название “Интегральные методы в квантовой теории локальных неоднородностей и периодических структур”, полнее отражающее содержание работы.

Летний отдых у нас был ранним – в июне. Провели мы его в Дивноморском, на берегу моря, в пансионате. Мы с отцом жили в гостинице, а жена с нашим сыном Колей – в домике от пансионата. Я был целиком погружен в работу над монографией. Хотя основной материал был готов, но навалилась куча новых идей. В условиях тесной комнатки гостиничного номера, где стояли только две наши с отцом кровати и между ними – маленький столик, работа оказалась очень продуктивной. Десятка два купленных в Дивноморском тетрадок были исписаны новыми формулами. За две недели “отдыха” было сделано больше, чем за весь предыдущий год докторантуры. Еще раз повторилась уже не раз испытанная парадоксальная для нормальных людей ситуация – лучше всего работает на отдыхе.

Вернулись мы домой к началу Олимпиады (4 июля), а уже к сентябрю рукопись монографии была готова и сдана в редакцию.

У меня еще в запасе были полгода до окончания докторантуры, но я не бездельничал. Появились новые области научных интересов. В частности, компьютерные исследования. Это был первый период моего увлечения работой с вычислительной техникой. Чрезвычайно интересная деятельность. Были написаны десятки разнообразных программ на разных языках и для разных машин – от программируемых микрокалькуляторов до самой большой университетской ЭВМ. Материала, связанного с этим направлением хватило не только на вышедшую в 1987 году мою третью книгу “Методы квантовой кинетики”, но и на специально посвященную компьютерным разработкам следующую задуманную книгу, получившую впоследствии окончательное название “Компьютерные исследования

квантовых явлений”. Подробнее обо всем этом надеюсь рассказать в книжке “20 лет с персональным компьютером”.

Однако вернемся в осень 1980 года. От ректора было написано специальное письмо в редакцию, подтверждающее, что моя монография сделана в соответствии с планом научной работы над диссертацией, и с просьбой не задерживать ее опубликование. Опять повторилась уже привычная мне процедура работы с издательством. Через полтора года книга “Интегральные методы в квантовой механике” вышла в свет тиражом 1800 экземпляров. Кстати, гонорара за нее не полагалось, так как монография была плановой. Она же явилась основой докторской диссертации, защита которой, однако, несколько затянулась, так как с весны 1981 года меня втянули в заведование кафедрой, о чем речь пойдет в следующем разделе.

Добавлю, что очень хорошие отзывы об этой книге Юрий Петрович Степановский мне передал от известного физика-теоретика Якова Абрамовича Смородинского, который предлагал свое содействие изданию ее в Москве более крупным тиражом.

Дополнительные замечания

В этом разделе совершенно не затронуты важные для меня события семейной жизни. Именно в описываемый период я женился после многолетнего ухаживания за своей будущей супругой Инэссой Павловной Терниковой (свадьба состоялась 14 июня 1963 года, см. фото).

Через несколько лет у нас родился сын Николай (23 июня 1968 года) и мы стали жить отдельно от моих родителей.

Некоторые эпизоды этой “личной жизни” описаны в цикле книг “Рассказы о летнем отдыхе”. Замечу также, что о своих родителях и родственниках я достаточно подробно написал в отдельной книге под названием “Родословная нашей семьи”.

ЗАВЕДОВАНИЕ КАФЕДРОЙ (1981–1993 гг.)

С решения этой задачи мы и начнем.

И.М.Лифшиц

Недавние события вспоминать очень трудно.

М.И.Каганов

Неизбежность

7 февраля 1981 года заканчивался срок моего пребывания в докторантуре. К этому времени диссертация была завершена и находилась в печати в виде монографии. Хотя я был до некоторой степени оторван в течение двух лет от кафедральных дел, целиком занятый только научной работой и написанием диссертации, однако все же не порывал контактов к кафедрой, зная особенности этого сложного для нее периода.

Незадолго до окончания докторантуры со мной начал вести беседы Лев Элеазарович Паргаманик. Вначале шли общие рассуждения о судьбе кафедры и научной школы Лифшица. Лев Элеазарович уже имел запенсионный возраст, к тому же, будучи учеником Александра Ильича Ахиезера, фактически принадлежал к его школе теоретиков, однако всегда поддерживал дух, общую направленность и традиции школы Лифшица.

Лев Элеазарович был постоянным партгором кафедры и переговоры со мной не были его личной инициативой. Он сказал, что именно я являюсь реальной кандидатурой на должность заведующего нашей кафедрой, что это не только его мнение, что я как непосредственный ученик Ильи Михайловича Лифшица должен согласиться на это ради сохранения его школы. Вначале я категорически возражал против подобной перспективы для себя, зная индивидуалистические особенности своего характера, свою непригодность ко всякого рода административно-руководящей деятельности. Я не мог себя представить в роли зава. У меня не было для этого никаких внутренних стимулов, честолюбие и тщеславие у меня отсутствовали, карьерных устремлений я никогда не имел.

Ко всему прочему, мне нужно было готовиться защищать диссертацию, а не погружаться во всепоглощающую организационную деятельность. Аргументы Льва Элеазаровича при этом были следующие: в силу своего возраста и тяжелой болезни он не может далее оставаться заведующим, на это место хотят назначить постороннего по отношению к кафедре человека, даже могут расформировать кафедру, присоединив ее к другой, близкой по роду занятий. Это может существенно навредить научной школе Лифшица и разрушить десятилетиями складывавшийся коллектив. Есть, мол, только один выход из положения: я должен

согласиться взять на себя эту сложную обузу ради коллектива кафедры. Я понимал, что во всех этих мрачных перспективах есть слишком большая доля правды, а другие варианты выхода из положения, которые мы обсуждали, имели свои изъяны. И все же я не давал ему согласия.

В дело вмешался декан Виктор Васильевич Воробьев. Когда срок моей докторантуры закончился, он вызвал меня в свой кабинет и прямо спросил, где я намерен дальше работать. Уходя в докторантуру, я не знал о якобы существовавшем правиле, что ставка преподавателя, ушедшего в докторантуру за ним не сохраняется, а после окончания докторантуры, нужно снова искать место работы и т. п. Разумеется, для меня это было полной неожиданностью. Никаких планов на сей счет у меня не было. Уходить из Университета я никогда не хотел.

Декан, возможно, несколько утрировал ситуацию, но жестко поставил вопрос так: есть только одна вакансия – заведующего кафедрой. Или соглашайтесь, или ищите себе работу. Это была последняя капля. Довод сработал. Теперь я понимаю, что это было, вероятно, согласовано с мнением членов нашей кафедры, с партбюро факультета и с более высокими административными инстанциями. Решили на меня надавить именно таким способом. Декан сказал, что я могу еще немного подумать, однако нужно срочно давать ответ. Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

Первые впечатления

Началась для меня совершенно новая жизнь. Обрушилось неимоверное количество новых обязанностей. Впрочем, я уже имел представление об этом, поскольку в декабре 1977 года проверял в составе ответственной Всесоюзной контрольной комиссии кафедру теоретической физики Киевского университета, к тому же у меня имелся опыт заведования, когда мне пришлось заменять Игоря Ивановича Фалько в период его стажировки весной 1978 года.

Состоялось расширенное заседание кафедры с участием то ли декана, то ли его заместителя. Я выступил с программной речью, содержащей в виде основного пункта “предвыборных обещаний” заверения в сохранении научной школы Ильи Михайловича Лифшица, общих либеральных и демократических традиций этой школы, теснейших связей с представителями школы в академических институтах Харькова. В дальнейшем я старался их выполнять и думаю, что передал кафедру в руки своего преемника Александра Михайловича Ермолаева в неплохом состоянии по всем параметрам.

Лев Элеазарович Паргаманик старался открывать мне тайны кафедральной кухни, сдавал дела кафедры. Тут-то я впервые узнал, что заведующий, имея массу обязанностей, фактически не имеет никаких реальных прав. В частности, он не может сам ни награждать своих сотрудников, ни материально поощрять. Можно лишь поздравлять людей с их днями рождения, что я и старался делать. В частности, мои пронумерованные и вывешиваемые на кафедре распоряжения имели вид таких поздравлений.

*Владимир Владимирович Ульянов в первые дни
Заведования кафедрой (май 1981 года)*

Предо мной вставала картина предстоящей разноплановой деятельности, в которую входили 6 видов работы: учебная, учебно-методическая, идейно-воспитательная, общественная, организационная и научная. Конечно, для всех нас на первом месте стояла именно научная работа, но в бюрократической иерархии ее постоянно оттесняли на последнее.

Двенадцать лет заведования кафедрой теперь вспоминаются как сплошной кошмар. События накладываются друг на друга. Невозможно их вычленить хронологически. Правда, сохранились копии многих документов, уйма бумаг, по которым сейчас с ужасом пытаюсь восстановить, что же тогда происходило.

В водовороте забот

Начало этого периода совпало со вспышкой засилья бюрократии. Непрерывный поток бумаг шел от всех административных инстанций. Соборания, заседания, семинары, совещания, комиссии, штабы, на каждом из которых принималась куча решений, сваливаемых на деканаты и кафедры. Бумажный поток захлестывал плановую работу кафедры. Поступали запросы и требования от разных служб и отдельных лиц: планы на год, планы на пятилетку, отчеты за год, отчеты за пятилетие по науке, по соцсоревнованию, по перспективам развития, сводки, сведения о

*В.В.Ульянов с пятикурсником Юрой Кившарем
ХГУ, кафедра, апрель 1981 года*

наличии, сведения об отсутствии, данные срочные, данные сверхсрочные, графики по поводу, графики без повода, расписание того-то, перечень этого-то, списки лиц, справки о состоянии дел, схемы.

Идут пространные приказы, инструкции, инструктивные письма, грозные распоряжения, указания, решения. Требуют составления бумаг-простыней по форме № 2, форме № 3. Бумажки без указания, кому и зачем их нужно готовить, без указания сроков подачи или уже просроченные (“на вчера”). Непрерывные проверочные комиссии строго следят за выполнением.

Навалились кампании: введены так называемые технологические карты (на каждое занятие!!), учреждена строгая комиссия контроля качества лекций, навязаны взаимопосещение занятий и открытые лекции, затребован громоздкий УМКД с приложением структурно-логических

схем читаемых курсов, внедрена обширная ОПП, задекларированы УИРС и НИРС, спущена аттестация (межсессионный контроль) студентов, а еще – ТСО, проблемное обучение, связь с выпускниками, СНО, филиалы кафедр, студенческие и школьные олимпиады, надзор за безобразиями в общежитии и т. д. и т. п. По каждому нововведению проводятся специальные инструктивные совещания. Мудрые люди рекомендуют не реагировать на непродуманные новации, но уже затребованы планы и отчеты, хотя вскоре оказывается, что очередная кампания была ошибочной и о ней вскоре забывают на фоне кипучей деятельности по внедрению новой. Бюрократическая машина работает на полных оборотах.

Среди первых акций моего заведования – создание стенда кафедры, поныне существующего и отражающего до некоторой степени, кто и чем

*Владимир Владимирович Ульянов
ХГУ, кафедра, 1982 год*

был занят в то время. Удалось обзавестись библиотечкой кафедры, также еще имеющейся. Завел папку с документами по истории кафедры. В частности, была сделана первая попытка составить списки всех выпускников кафедры, а также собрать фотографии выпускников.

Положение усугублялось тем, что наша кафедра занимала особое положение на физфаке: она одновременно вела и общие курсы на своем факультете, и специализацию. В этом отношении с ней можно было сравнить только кафедру общей физики, хотя последняя вела общие курсы за пределами нашего факультета. К

тому же наша кафедра была единственной теоретической, т. е. охватывала всю теоретическую физику, тогда как другие были экспериментальными, т. е. каждая из них занималась некоторой отдельной областью физики, обычно твердотельного направления. Естественно, что на нашу кафедру сваливались и огромный объем работ, и в увеличенном количестве отчетность. Специфику же кафедры нигде никто никогда учитывать не желал.

Приступив к заведованию, я с удивлением узнал, что существует некий журнал заседаний кафедры, предусматривающий ежемесячно два (!)

заседания, тогда как традиционно таковые проходили на кафедре спорадически, по особым случаям. Причем нужно было вести протоколы заседаний. Здесь, как и во многих других случаях, мне помог замечательный секретарь кафедры со времен Игоря Ивановича Фалько – Олег Иванович Любимов. Он объяснил, что на специальных курсах его учили, как нужно вести документацию кафедры. В частности, протоколы, мол, бывают двух видов: во-первых, протоколы реальных заседаний, из которых потом делаются так называемые “выписки”, во-вторых, протоколы, формируемые по мере необходимости из выписок.

*В.В.Ульянов с иностранным студентом
ХГУ, 1983 год*

И в дальнейшем мы никогда не злоупотребляли заседаниями, так как и без них на кафедре хватало подобных мероприятий. Работали методический (Л.Э.Паргаманик), компьютерный (В.В.Ульянов) и геометрический (В.М.Пыж) семинары, а также семинары по вопросам сверхпроводимости (В.М.Гвоздилов) и нелинейной механики (О.В.Усатенко). Шли общие научные семинары кафедры с докладами диссертационных работ, работал кружок теоретической физики для студентов младших курсов под руководством А.М.Ермолаева.

Нерешенная проблема помещения преследовала нашу кафедру в течение всех этапов ее существования. В старом здании Университета наша кафедра не имела никакого помещения. У Ильи Михайловича

Лифшица основным местом работы был УФТИ. В Университет он приходил в основном для чтения лекций. Большинство других членов кафедры также в те времена были совместителями. Особой необходимости в специальном помещении, видимо, никто не усматривал. Когда Университет перебирался в новое здание, на кафедре уже работали несколько штатных преподавателей. Объем деятельности кафедры вырос. Без своего помещения стало трудно работать. Илья Михайлович, имея достаточно забот в УФТИ, видимо, особенно не вникал в столь мелкие дела. Лев Элеазарович был в те времена довольно влиятельной личностью, будучи членом партбюро. На его долю и выпало просить администрацию выделить помещение для кафедры.

К сожалению, никто в то время не подумал, что кафедре теоретиков необходимо иметь достойное помещение. В результате кафедра получила крохотную комнатку площадью 19 кв. метров, в которой она вынуждена была ютиться, хотя уже давно и на всех уровнях ставился и якобы решался вопрос о расширении. Разные комиссии во время проверок физического факультета отмечали вопиющую ситуацию с помещением кафедры. В ответ администрация издавала грозные приказы об устранении этого безобразия, но затем об этом забывала до новой комиссии.

Шли годы, а положение не менялось. Между тем, объем работы и число членов кафедры возрастали. Так, когда однажды сменялся дверной замок кафедры, пришлось заказывать более 50 ключей для штатных преподавателей, совместителей, почасовиков, аспирантов, докторантов, соискателей, стажеров, руководителей дипломников и др. Добавлю, что на специализации "теоретическая физика" обычно обучались до 50 студентов, не говоря уже о том, что по линии общих курсов теоретической физики через кафедру проходили сотни студентов физического, радиофизического и других факультетов. Бывая в других университетах, мы не раз убеждались, что такого убогого помещения нет у теоретиков нигде. Так деликатность Ильи Михайловича обернулась бедствием для кафедры, чего он, конечно же, не мог предвидеть.

Вот в таких условиях приходилось работать, ежедневно испытывая стрессы, проклиная свое согласие на эту каторгу, затрачивая массу времени и сил на явно лишнюю деятельность, не имея на кафедре не только своего рабочего кабинета, но даже отдельного уголка. Одно время у меня с деканом сложились натянутые отношения. Он привык к заведующим обращаться на "ты", а со мной вынужден был говорить "вы". С некоторых пор я написал заявление об увольнении с должности заведующего кафедрой по собственному желанию и носил его с собой, ожидая подходящего случая.

Единственным утешением была возможность прийти домой и засесть в своем домашнем кабинете, заваленном бумагами, рукописями, книгами, но позволяющем уединиться для научной работы. Правда, обычно лишь в выходные дни и на каникулах, поскольку в обычные дни времени хватало лишь на составление очередных бумажек.

Удары судьбы

Осенью 1982 года пришло печальное известие из Москвы – не стало Ильи Михайловича. На похороны отправились многие харьковские теоретики. В мемориальной статье его соратники писали: "Академик Илья

*В.В.Ульянов открывает семинар
памяти Ильи Михайловича Лифшица
ХГУ, 13 января 1987 года*

Михайлович Лифшиц – выдающийся ученый, один из крупнейших физиков-теоретиков мира, возглавлявший исследования по теории твердого тела в Советском Союзе".

Его давно уже нет, но память хранит его облик, его речь, его поступки. Есть много фотографий. На них он разный. Для тех, кто знал его, достаточно освежить в памяти его образ, посмотрев на одну из них. Сохранилась и магнитофонная запись его выступления с популярной лекцией о физике твердого тела. В 1987 и 1992 годах нам удалось организовать

семинары его памяти. Они начинались с прослушивания этой записи, и он приходил к нам снова. Он остался с нами навсегда на кафедре теоретической физики, которая была основана Ильей Михайловичем весной 1944 года.

О штатном составе. В момент своего создания кафедра имела 2,5 ставки, в 1960 году на ней работали 6 преподавателей, а к моменту начала моего заведования было уже 11 ставок. Вот кто тогда работал (в необходимом алфавитном порядке): В.М.Гвоздилов, А.М.Ермолаев, О.И.Любимов, Э.А.Канер, А.М.Косевич, Л.Э.Паргаманик, В.Г.Песчанский, В.М.Пыж, О.В.Усатенко, В.В.Ульянов, В.М.Цукерник, Т.С.Чебанова, Л.В.Чеботарев, – 4 доктора-профессора и 9 кандидатов-доцентов, готовивших докторские диссертации (почти все вскоре защитились)!

Очень мощный коллектив. С ним мне повезло. Меня окружали замечательные люди, яркие личности – талантливые ученые, блестящие лекторы, мудрые воспитатели, энергичные, любознательные и жизнелюбивые, остроумные и увлекающиеся, приветливые и общительные, беззаветно преданные любимой науке – теоретической физике. Эти люди доверились мне. Нужно было оправдывать сие высокое доверие.

Разумеется, научная продукция кафедры была весьма обширной. Однако оказалось, что фактически она нигде не учитывалась, поскольку специальной отдельной общей единой темы на кафедре никогда не было. Невозможно было поместить в прокрустово ложе одной темы 13 самостоятельных научных работников, каждый из которых разрабатывал свое научное направление, имел уже своих учеников, свою школу в рамках общей школы Лифшица. К тому же большинство преподавателей сотрудничали с другими кафедрами и институтами в рамках их научных тем, что также не засчитывалось нашей кафедре. Парадоксальная ситуация! Требовалось что-то предпринимать. Во-первых, застолбили официально оформленную тему (впоследствии удалось ввести три темы, причем даже с символической оплатой). Во-вторых, ввели учет публикуемых работ. Сразу выяснилось, что научная продукция кафедры составляет до 50 статей в год, не считая тезисов докладов. К тому же издавалось много книг (монографий и солидных учебных пособий) – ежегодно не менее одной. Впрочем, каждая книга почему-то давала лишь единичку в списке публикаций, тогда как фактически она была эквивалента десяткам статей. Подобные несуразности встречались на каждом шагу заведующего кафедрой. Однако все это были досадные мелочи на фоне нагрянувших неприятностей. Главный бич – сокращение штатов. Ведь ранее кафедра только расширялась, а теперь наступила пора потерь. Вначале был проведен глобальный, общеуниверситетский перевод всех совместителей на 0,25 ставки. Позорная акция, якобы вынужденная.

Вслед за этим – тяжелейшая утрата – смерть нашего профессора, члена-корреспондента Эмануила Айзиковича Канера в 1986 году. Молодого, энергичного, полного сил. Большая часть нашей кафедральной преподавательской молодежи принадлежала к его непосредственным ученикам. Место Эмануила Айзиковича занял его ученик Николай Михайлович Макаров.

Затем последовали кадровые потери в связи с уходом в докторантуру Л.В.Чеботарева и В.М.Пыжа, а также с двухгодичными командировками в Алжир Л.В.Чеботарева и О.В.Усатенко; при этом учебная нагрузка кафедры не уменьшалась (шесть общих курсов

теоретической физики и более 40 спецкурсов, не говоря о других видах учебной работы). Компенсировать выход из игры, хотя и временный, этих опытных преподавателей удавалось лишь благодаря привлечению большого количества сотрудников академических институтов на условиях почасовой оплаты. Число почасовиков доходило до двух десятков при мизерной общей сумме вознаграждений (оплачивалась лишь небольшая доля их работы). Назову лишь некоторых (в необходимом алфавитном порядке): И.Е.Аронов, Ю.П.Блиох, Ю.М.Бормашенко, А.Е.Боровик, Ю.П.Вирченко, И.М.Гельфгат, Л.Э.Генденштейн, А.А.Герасимов, С.А.Гредескул, С.Е.Кальной, Ю.С.Кившарь, Л.А.Кирик, А.С.Ковалев, А.А.Крохин, А.Н.Омельянчук, Л.А.Пастур, Ю.В.Тарасов, О.А.Чубыкало, С.И.Шевченко, В.А.Шкловский, В.С.Шумейко, И.В.Юркевич, В.А.Ямпольский.

К тому же совершенно безвозмездно всегда руководили курсовыми и дипломными работами ученые из ФТИНТа, УФТИ и ИРЭ, поскольку были заинтересованы иметь своих учеников, которых потом забирали в аспирантуру или на работу.

О коллегах

Конечно, самой главной моей опорой в период заведования был Лев Элеазарович Паргаманик – руководитель моей дипломной работы, парторг кафедры. Он всегда вел большую общественную работу, был полон замыслов, энергии и сил. Лев Элеазарович обладал особыми качествами педагога и наставника, являлся образцом предельно ответственного отношения к общественным поручениям, примером гражданственности, отличался исключительной инициативностью во всех учебных и методических делах. В период начавшейся перестройки Лев Элеазарович был полон замыслов и планов совершенствования учебного процесса. Для кафедры Лев Элеазарович являлся исключительно ценным преподавателем и научным работником, и его опыт и потенциал могли быть использованы в новых условиях в более широких масштабах. То же можно сказать о Льве Элеазаровиче и в масштабах факультета. Людями такого потенциала нужно было дорожить. К сожалению, в Университете это так и осталось нереализованным.

Вторым Львом на кафедре был еще один замечательный человек – Лев Владимирович Чеботарев. Он обладал исключительными организаторскими способностями и мог работать на любом, как угодно высоком посту руководителя по учебной, научной или иной линиям. Исключительно высокий научный потенциал сочетался в нем с уравновешенным, сдержанным характером. Лев Владимирович являлся

прекрасным лектором, что могу отметить без всяких преувеличений. Лев Владимирович в любых условиях успешно мог вести плодотворную научную работу (как по госбюджетной, так и по хоздоговорной линиям). Он мог вести аспирантов (советских и иностранных). На любом посту он мог добросовестнейшим образом выполнять все поручаемые ему учебные и научные дела. Коэффициент отдачи этого преподавателя был предельно высоким, чему способствовало также его хорошее физическое состояние, поддерживаемое занятиями физической культурой (туризм высокого класса по спортивной классификации). К сожалению, тяжелые жилищные условия (он с женой и взрослой дочерью проживал в двухкомнатной квартире с больной матерью) заставляли Льва Владимировича то находиться в длительной зарубежной командировке (Алжир, 3 года), то выезжать на временную работу в Херсон. Обещания администрации Университета о решении его жилищной проблемы не реализовались, и Лев Владимирович вынужден был уехать с семьей в Канаду. Безусловно, такой

*Лев Владимирович Чеботарев и Вячеслав Михайлович Пыж
Сосновая горка, 26 июня 1984 года*

целеустремленный, волевой и весьма требовательный к себе и другим человек вполне мог вскоре стать и деканом нашего факультета, и проректором, и ректором, не говоря уже о заведовании кафедрой, официальным резервом на каковой пост он постоянно отмечался в так называемом паспорте кафедры.

Олег Иванович Любиимов занимал на кафедре особое место. Вот что написал я о нем в одном из первых своих распоряжений по кафедре (там высказано все так, как было в действительности):

“Распоряжение № 3 (20)

Дорогие коллеги, милые друзья!
Пусть эти первые дни Мая будут для всех нас настоящим праздником!
И да настанет Весна, наконец!
А пока Олегу Ивановичу – Сорок Одно!
Ему – наши улыбки, объятия, поздравления!

Дорогой Олег (Иванович)!

В этот особый день разреши при поздравлении перейти на ТЫ.
ТЕБЕ – 41.

Ты в расцвете сил, Ты нужен кафедре. Ты – старший товарищ нашей молодой кафедральной поросли. Ты опора кафедры. Тебя ценят и любят.

Знают, что Ты делаешь все по-настоящему и никогда не рассчитываешь на внешний эффект. Скромно, без шума, суеты и рекламы Ты добросовестно выполняешь все свои служебные и гражданские поручения. Ненавязчиво и незаметно помогаешь вести дела кафедры.

Умеешь сочетать принципиальность собственного мнения с уважением к взглядам других и сознанием необходимости иногда подчиниться воле обстоятельств.

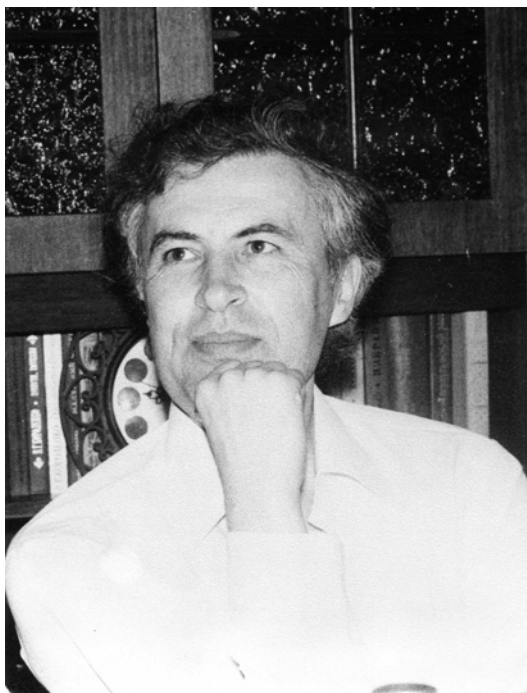
Ты – молодой отец и заботливый муж, все умеющий хозяин дома и кафедры. Ты – ученый, отдающий умения и знания ученикам и не стремящийся к личной славе.

Будь же и впредь тем человеком, от которого светло на кафедре в прямом и переносном смысле.

От имени кафедры – В.Ульянов”.

Наконец, моя опора и надежда – уникальный мой помощник во всех делах, исключительно добросовестный и ответственный человек, преданный делу кафедры – Александр Михайлович Ермолаев. Можно еще долго продолжить перечень его прекрасных качеств. Думаю, что я это сделал в изданной мной и Г.И.Рашбы книге об Александре Михайловиче. Там высказано, как мне кажется, все об этом моем первом студенте, правой руке в заведовании кафедрой. Он также стоял в резерве на заведование, и я был рад при удобном случае передать бразды правления в эти надежные руки.

О более молодом поколении моих коллег – Вячеславе Михайловиче Пыже, Олеге Викторовиче Усатенко, Владимире Михайловиче

*В.В.Ульянову исполнилось 50 лет
Сосновая горка, 26 июня 1984 года*

Перемены

В 1984 году мы отметили 40-летие нашей кафедры открытием аудитории имени академика И.М.Лифшица, а также статьей “Школа фізиків-теоретиків” в университетской газете. Кроме того, в июне мне исполнилось 50. Практически весь состав кафедры собрался у меня дома и мы неплохо

Гвоздикове, Олеге Львовиче Машкевиче, Олеге Борисовиче Заславском, Елене Владимировне и Людмиле Владимировне Езерских и Юрии Ивановиче Шильнове – еще предстоит, надеюсь, специальный рассказ. А о каждом из моих старших коллег я постарался уже издать или надеюсь это сделать в ближайшее время (частично в соавторстве) отдельные книги воспоминаний.

*В.В.Ульянову в день своего 50-летия
Сосновая горка, 26 июня 1984 года*

Олег Львович Машкевич в ауд 7-36 (10 января 1986 года)

отметили это событие (подробности описаны в ниге об Игоре Ивановиче Фалько, который также был вместе с нами в тот вечер).

1985 год принес надежды на коренные изменения нашей жизни. Была объявлена перестройка, которая, однако, фактически свелась к ломке старого без

В.В.Ульянов показывает сотрудникам физфака персональный компьютер (ауд. 7-36, 1987 год)

компенсации хорошим новым. Повеяло гласностью. Запахло плюрализмом. Единственным положительным моментом в жизни кафедры было некоторое уменьшение бумажного потока и бюрократического рвения свыше. Однако в 1986 году вышел пресловутый приказ № 660 “О развитии инициативы научно-педагогических коллективов вузов, расширении их прав в осуществлении перестройки учебного процесса”,

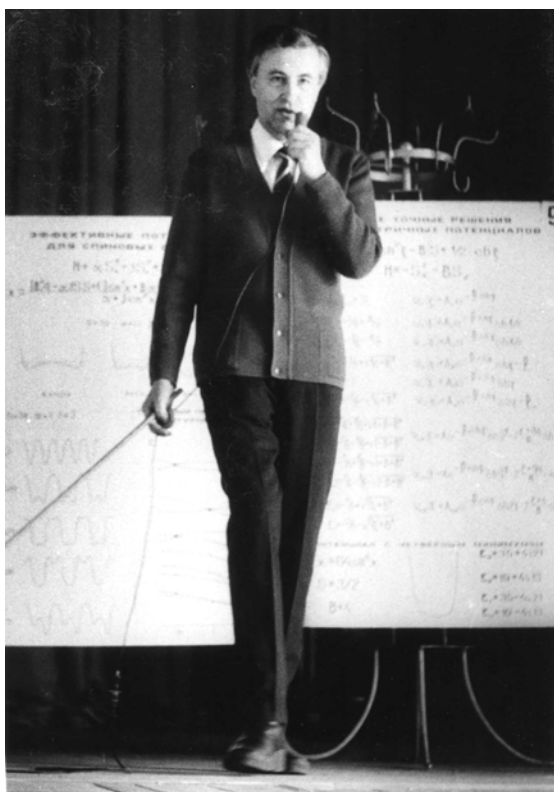
напичканный словами “обязать, установить, отменить, поднять, не допускать, обсудить, рассмотреть, представить, сконцентрировать, вводить, предоставить, сокращать, изменять”. И снова завертелась бумажная круговерть во исполнение этого приказа (большая подборка копий составленных документов хранится у меня как память о том противоречивом времени).

Все же появились и положительные изменения в нашей жизни. Начался период расцвета персональных компьютеров. Приход на кафедру нашего бывшего выпускника Олега Львовича Машкевича в качестве научного сотрудника позволил нам обзавестись персональными компьютерами за счет хоздоговорных тем. Удалось создать класс персональных компьютеров. Очень помогли иностранные студенты. Компьютерный семинар перерос в регулярные региональные компьютерные конференции.

Вначале навязанные сверху так называемые Дни кафедры нам удалось превратить в ежегодные праздники первоапрельского толка,

которые проходили с активным участием студентов и выпускников прошлых лет. Это было в 1988-1994 гг. (кроме 1992 года).

Постепенно росла аспирантура: от одного-двух до десятка. Правда, увеличение числа аспирантов сдерживалось жесткими требованиями: прописка, средний балл, национальность. Кроме того, действовало вопиющее по своей пагубности правило: кандидатам наук запрещалось брать аспирантов (для этого, мол, существуют ваши доктора наук), хотя

В.В.Ульянову на защите докторской диссертации ФТИНТ, 3 марта 1987 года

весной 1987 года она состоялась. Тогда же вышла моя третья книга и еще две готовились к печати.

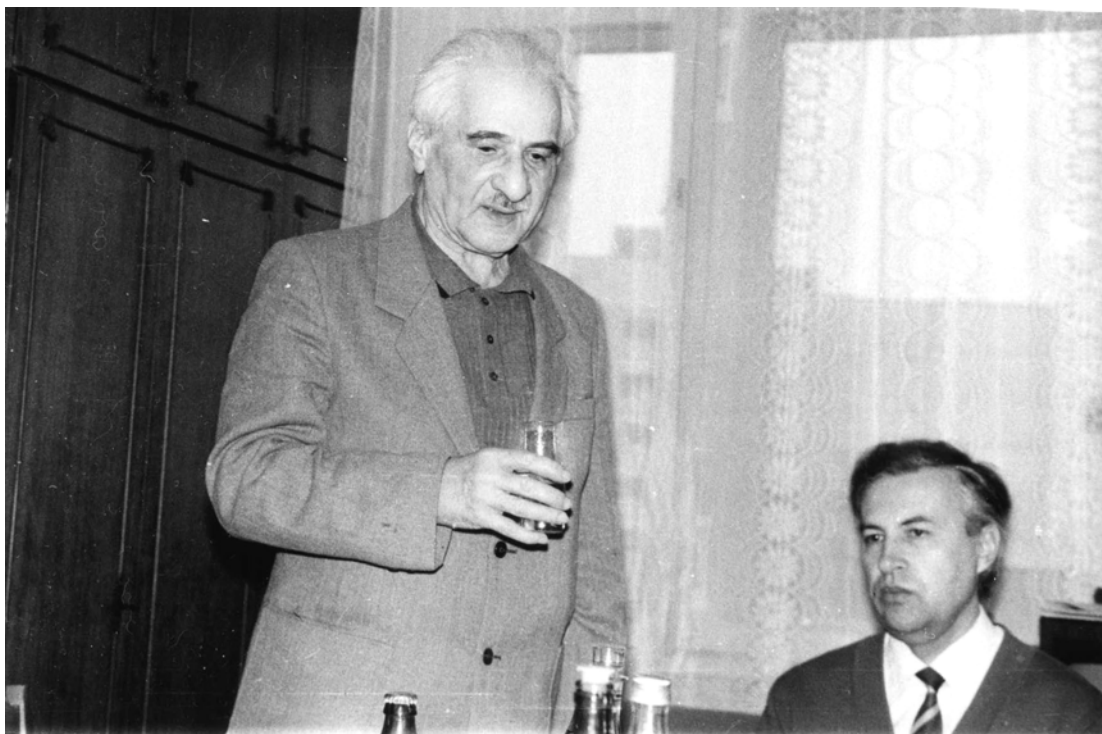
А.М.Косевич и В.Г.Манжелий объявляют результаты докторской защиты В.В.Ульянова

потом же новоиспеченным докторам ставили в укор отсутствие защитившихся учеников при присвоении звания профессора. Декан поручил мне проведение физических семинаров в аудитории имени К.Д.Синельникова. Традиционно там выступали с лекциями о новых и новейших достижениях крупные харьковские физики. Часто удавалось привлечь к этому делу замечательного физикатеоретика, известного любителя истории физики Юрия Петровича Степановского. Кроме того, все будущие доктора наук обкатывали там материалы своих диссертаций.

Как и предполагалось, кафедральные заботы несколько отдалили мою защиту, но все же

После написания двух первых книг я совсем охладел к публикации статей, а работал лишь над рукописями книг, используя предыдущий опыт. Третья книга была написана в рекордно короткий срок. Супруга с сыном уехали в конце лета 1985 года в Ленинград, и я заставил себя готовить по 10 страниц ежедневно. Это был изнурительный марафон, но книга

*Лев Элеазарович Паргаманик и В.В.Ульянов
Сосновая горка, 3 марта 1987 года*

была представлена в редакцию вовремя и в 1987 году вышла в свет. Однако я не уgomонился, запланировав после этого еще две книги. Документы на них были оформлены, но наступило время перестройки, издательства переходили на хозрасчет. От авторов потребовали выпуска книг за “свой счет”. Что это означало для преподавателя, и говорить не стоит. Ведь мы всегда получали весьма скромную зарплату. Все же за все годы работы я к 1980 году имел на книжке 10 тысяч. Деньги поглотила кооперативная квартира. Казалось, с книгами покончено.

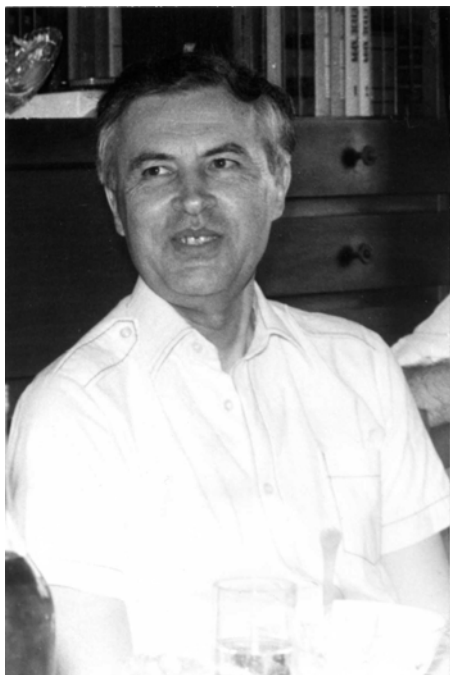
На рубеже
Вскоре наступило смутное
время начала 1990-х годов.
Всеобщий развал, полная разруха,
псевдорыночная система,
безудержный грабеж народа,
сверхтяжелое материальное
положение. Наука оказалась никому не нужной. Финансов не доставало
даже на установленную мизерную зарплату. Для молодых людей
оставалась только возможность уехать на работу в зарубежье, как можно

*В.В.Ульянов после докторской защиты
Сосновая горка, 3 марта 1987 года*

более дальнее, на заработки или на постоянное жилье. Студентам было не до занятий – нужно было выживать. Стиснув зубы, проклиная возникшую ситуацию, преподаватели все же старались сохранить систему образования в стране, но силы были неравные – зло в разных формах неизменно побеждало. Терпения хватало не у всех. Кое-кто ушел в коммерческо-криминальные структуры, кое-кто пошел в политику, надеясь переломить ситуацию. Надежды не оправдались. Обстановка с каждым годом ухудшалась. Вокруг – открытый бандитизм, телепракобесие с засильем попсы и откровенным матом, перешедшим с экранов в коридоры Университета.

Сказывалась многолетняя усталость от постоянного напряжения. Возраст давал о себе знать. Обострились затихшие было в застойные времена болячки. Однако впереди засверкал-таки выход из этого гнуснейшего положения: заканчивался второй срок моего заведования и появилась надежда передать руководство кафедрой в руки более молодого

*В.В.Ульянову 55 лет
Сосновая горка, 26 июня 1989 года*

и энергичного человека. По всем параметрам для этого подходил талантливейший теоретик, превосходный лектор, мой заместитель и верный помощник – Александр Михайлович Ермолаев. У меня была полная уверенность, что этот человек не подведет, что у него хватит сил бороться за сохранение кафедры и школы. Это вызвало у меня необычайный прилив сил и замыслов. Впереди засверкало освобождение от пут бесконечной оргработы, возможность заняться творчеством, целиком отдаться науке. Как это много значило – перспектива СВОБОДЫ.

На смену Олегу Львовичу Машкевичу, зачисленному в докторантуру, пришел Александр Яковлевич Разумный, общительный и хозяйственный человек. При нем удалось оснастить наш компьютерный класс более современными машинами.

В начале 1992 года я получил путевку в санаторий Миргорода, откуда возвратился не только поздоровевшим, но и морально обновленным человеком. Дело даже дошло до стихоплетства. Многое стало удаваться. Вышел большой гонорарный обзор в иностранном журнале. Удалось оформить кафедральные научные темы НИЧ, дававшие

*В.В.Ульянов со своими бывшими дипломниками – супругами
Ирой Яресько и Николаем Синельником
(День кафедры 1.04.1989)*

кое-какую микроприбавку к миниокладу. Завязались регулярные ежегодные конференции по физике твердого тела и по компьютерным делам. Получен материал для нескольких монографий.

Оставалось только уговорить Александра Михайловича Ермолаева, который, впрочем, уже давно числился в резерве на заведование кафедрой.

В моей балладе о Ермолаеве сказано:

У него стальные нервы –
Десять лет стоял в резерве.
Уж теперь секрета нету –

Саша принял эстафету.
Ты теперь вожак бригады, –
Все мы очень-очень рады,

хотя эти строки и были заранее написаны за несколько месяцев до фактической передачи дел Александру Михайловичу.

*Николай Владимирович Ульянов -
студент кафедры теорфизики
День кафедры, 1 апреля 1989 года*

Дополнительные замечания

Как и в предыдущих разделах, здесь почти ничего не говорится о моих близких, о моих товарищах, о важных для меня событиях семейной жизни. В описываемый период у меня появились новые друзья. Мы продолжали ежегодно ездить летом на отдых всей семьей, а я зимой часто лечился в санаториях Миргорода, где очень плодотворно работалось.

Отчасти об этом надеюсь написать в книгах “Рассказы о летнем отдыхе”.

О С В О Б О Ж Д Е Н И Е

(с 1993 года)

В жизни каждого человека есть, наверное, такой период, когда работа особенно захватывает, когда чувствуешь прилив энергии и испытываешь радость, что находишь, где ее приложить.

С.Э.Фриш

Перемены

После уговоров и убеждений Александр Михайлович Ермолаев все же согласился принять на себя заведование нашей кафедрой. Это сразу облегчило мое существование. Можно было заняться более продуктивной

*Чай вдвоем в ауд. 7-36: А.М.Ермолаев и В.В.Ульянов
10 января 1986 года*

деятельностью. Близился юбилей нашей кафедры. Тогда мне показалось, что это был случай, достойный подробного описания, что я и сделал сразу же, по свежим следам записав главные события. Теперь воспроизвожу эту запись.

История кафедры

По случаю 50-летия кафедры мы вновь вернулись (в который раз!) к идее воссоздания истории нашей кафедры. Но что это означает? Конечно, прежде всего факты, документы, данные. Их можно добыть, имеются архивы и свидетели, но такая работа должна, видимо, выполняться профессионалами. Иначе это будет сухое перечисление.

Составив перечень возможных тем, этапов истории, я понял, однако, что есть и другой путь. Пока наши знакомые историки составляли какие-то наметки, я занялся иной формой исторического повествования – воспоминаниями.

Подумалось, что этот жанр может быть интересным даже для тех, кто не очень знаком с нашей кафедрой. Главное же заключается в том, что есть возможность показать человеческие характеры и взаимоотношения.

Постепенно первоначальный замысел вырос до более широкой панорамы мемуаров физика-теоретика.

Подготовка

Вот и свершилось то, что готовилось в течение целого года. Все началось весной 1993-го. Перебирая бумаги в своем архиве в связи с передачей дел по кафедре А.М.Ермолаеву, я обнаружил программу юбилейных торжеств кафедры общей физики. В 1990 году этой кафедре исполнилось 50 лет, и это отмечалось целым рядом мероприятий, включая автобусную экскурсию в заповедник "Гайдары".

Как раз через год и нашей кафедре должно было стукнуть 50. Ясно, что нам не достичь такого размаха торжеств – сейчас иные времена, но все же как-то отпраздновать надо. Чем же мы можем отметить эту дату?

Первое, что пришло в голову – научная конференция на 1-2 дня. В январе 1993 года мне довелось быть членом оргкомитета по проведению научной конференции "Физические явления в твердых телах". Уже был накоплен некий опыт подготовки и ведения конференции, а также издания материалов.

Второй возможный элемент – история кафедры. Хотелось воспользоваться моментом: первые шаги были сделаны еще в 1981 году, но сейчас появился важный повод для продвижения этого дела. Любопытно, что еще в 1970-е годы, в период расцвета ОПП, будучи куратором групп теоретиков, я пытался добиться разрешения работать нашим студентам над историей кафедры, но безуспешно.

На сей раз я решил попытаться привлечь специалистов. Декан одобрил идею и подсказал, как связаться с историками. Это было 8 мая 1993 года, а 10 мая я уже беседовал с деканом истфака, который живо отреагировал и обещал содействие, но лишь 28 мая состоялся первый разговор с Сергеем Михайловичем Куделко – доцентом кафедры историографии. На следующий день я набросал на двух страницах подробный план-схему будущей истории кафедры. 1 июня мы с А.М.Ермолаевым встретились с Борисом Петровичем Зайцевым, который обещал изучить архивные материалы ХГУ, связанные с нашей кафедрой.

Была намечена последовательность действий. Я передал ему свою схему изложения истории.

Тогда мы думали, что сможем издать сборник трудов кафедры, в котором можно было бы отвести место для достаточно полного изложения истории нашей кафедры. Кроме того, в материалах задуманной юбилейной конференции можно было бы поместить краткий очерк истории кафедры, составленный нашими новыми знакомыми.

В июне же я неожиданно встретил Моисея Исааковича Каганова и, рассказав о наших планах празднования 50-летия кафедры, пригласил его принять в них участие. Он живо откликнулся, пообещав приехать в Харьков в мае следующего года и подготовить какие-нибудь мемориальные материалы для издания.

Осенью мы с А.М.Ермолаевым подписали у ректора служебную записку о празднованиях. Однако материальное положение Университета не позволяло надеяться на издание сборника трудов. Оставалось уповать на реализацию программы-минимум.

В январе 1994 года мы провели весьма успешно региональную компьютерную конференцию, после чего обратились к новой администрации Университета с просьбой о поддержке изданий. Новый ректор отнесся к нам очень доброжелательно, но к этому времени финансовое положение Университета резко ухудшилось. Тем не менее, в феврале мы объявили о месячном сроке сбора тезисов докладов.

Вначале дело шло туго. За месяц удалось собрать лишь около десятка тезисов. Пришлось отодвигать сроки ("deadline"), но и тогда дело продвигалось медленно. Публика не очень верила, что наши фантазии могут быть реализованы в сложившейся ситуации. Параллельно продолжались подготовка к изданию тезисов и переговоры с администрацией. Наконец, Университет получил какие-то деньги на науку и нам предложили срочно представить счет на оплату издания тезисов, однако у нас к этому времени все еще не было полного комплекта. Пришлось ускорять движение звонками и напоминаниями. К середине апреля наше терпение иссякло, но оказалось, что и денег уже не осталось. К счастью, в начале мая в Киеве утвердили дополнительные научные темы нашей кафедры с выделением неких средств. Однако в явном виде Университет этих денег еще не получил. Предварительная оценка требуемой для издания суммы гласила: 5 миллионов купонов. Главный бухгалтер подписал гарантийное письмо. Решено было оплатить счет из будущих поступлений по нашим темам (как бы займы). Каково же было наше удивление, когда за издание материалов конференции пришел счет всего на 1 миллион (в то время это был месячный оклад преподавателя).

А.Я.Разумный – ответственный за выпуск – сумел организовать дело так, что к моменту открытия конференции мы получили 100 экземпляров ее материалов и успели вручить их многим участникам.

Материалы открываются приветствием, которое мы с А.М.Ермолаевым направляем участникам юбилейной конференции. Далее на пяти страницах идет очерк жизни и творчества И.М.Лифшица, составленный из записок М.И.Каганова. Затем одну страницу занимает заметка С.М.Куделко и Б.П.Зайцева об истории кафедры. Далее помещены тезисы моих воспоминаний о кафедре 50-х годов и еще 40 докладов на разные темы 70 разных авторов.

Вначале мы думали, что торжества займут 2 дня с разделением на мемориальную и научную части. Однако А.М.Ермолаев настоял, чтобы конференция носила чисто мемориальный характер, а научная сторона была бы сосредоточена лишь в издаваемых материалах, которые стали бы памятным документом, сувениром, наградой участникам торжеств. Постепенно вырисовывалась программа праздника: с 12.00 до 16.00 выступления с воспоминаниями, а далее чай-банкет, организацию которого взял на себя В.М.Гвоздилов. Тем самым празднества укладывались в один день, тогда как второй отводился отдыху и перевариванию духовной (и телесной) пищи.

Как уже неоднократно бывало, до последнего момента мы не знали, получится ли задуманное, и готовились к худшему. Ведь мог не приехать М.И.Каганов, могли заболеть или уехать главные участники-ветераны, без которых праздник утратил бы бóльшую часть прелести. Наконец, могла не собраться аудитория слушателей. Конечно, можно было напечатать именные пригласительные билеты и собрать человек 300 выпускников разных лет, но где гарантия, что им будет интересно, что количество будет соответствовать качеству происходящего. Жесткая программа в таких условиях, видимо, невозможна. Нужна гибкость.

Накануне распределили обязанности: кто встречает главного гостя на вокзале, а кто обеспечивает проход участников в Университет, кто оформляет аудиторию, кто готовит банкет, кто ведет конференцию.

Празднование

Итак, наступило 24 мая. В 10.30 я был на месте. В 11.00 мы с Андреем Шурдуком развесили плакаты с моим стендовым докладом – воспоминаниями о кафедре 50-х годов с фотографиями Ильи Михайловича Лифшица, Леонида Степановича Гулиды и Моисея Исааковича Каганова. Вскоре поступило сообщение от А.М.Ермолаева, что М.И.Каганов прибыл из Москвы и все в порядке. До двенадцати

оставалось минут пять, а аудитория все еще была пустой. Волнение нарастало, но буквально за несколько секунд до начального срока народ пошел, да так, что вскоре все ряды были заполнены. Многие подошли уже после начала. Наконец, появилась кавалькада сопровождающих Моисея Исааковича.

Основные выступающие подтвердили свое согласие. Решено было не делать перерыва, а стало быть, речи могли длиться суммарно не более трех-четырех часов.

С небольшим опозданием начинаем. Две фразы поздравлений и приветствий – и я предоставляю слово проректору В.В.Воробьеву. Он интересуется историей Университета, хорошо знает нашу кафедру и

*В.В.Ульянов ведет конференцию, посвященную 50-летию кафедры
Харьков, ХГУ, 24 мая 1994 года*

слушал лекции некоторых присутствующих теоретиков. По сценарию далее включается запись, сделанная в январе 1987 года, когда мы отмечали 70-летие Ильи Михайловича: звучал его голос и краткое пояснение А.М.Косевича.

Первое рабочее выступление – о жизни и творчестве основателя нашей кафедры И.М.Лифшица рассказывает Моисей Исаакович. Он показывает сигнальный экземпляр второго тома избранных трудов Ильи Михайловича, в котором имеется большая мемориальная статья М.И. По материалам этой статьи и ведется рассказ нашего гостя. Его мы не ограничиваем во времени, но Моисей Исаакович опытный оратор, хорошо

владеющий аудиторией и обладающий тонким чувством меры. Его всегда интересно слушать, а сейчас особую остроту внимания аудитории придает то, что М.И. скоро уезжает в Штаты насовсем.

Он говорит о первых послевоенных годах своей учебы на физмате и работе на кафедре. Это для нас особенно ценно – это время для нас является белым пятном в истории кафедры. По ходу повествования М.И. вспомнил Леонида Степановича Гулиду и тепло о нем отозвался. Сразу же после выступления М.И. у меня появляется повод прочитать мой небольшой стихотворный фрагмент, посвященный Леониду Степановичу. Публика хорошо принимает наши выступления. Почин есть. Аудитория немного раскачалась.

Следующим выходит Арнольд Маркович Косевич. В его рассказе есть даже немного чисто теорфизических замечаний. На доске появляется характерный рисунок. Вот-вот будет написана формула. Но нет. Сегодня ни одной формулы так и не было. Получаю записку от В.В.Воробьева: "Почему не ведется запись выступлений?" Имеется в виду, видимо, магнитофонная запись. Да, я подумывал и об этом, но сейчас мы настолько обнищали, что нет даже кассет. К тому же подсознательно был один сдерживающий фактор: если приготовишься тщательно записывать, то весьма вероятно, что не будет того, что записывать. Но Борис Михайлович Валиев понял содержание записки иначе – он принес видеокамеру и начал записывать все дальнейшее. Жаль, что это было уже после выступления М.И. Один из наших иностранных студентов сфотографировал аудиторию.

После А.М. я снова читал свои стихотворные воспоминания о том, как А.М. защищал кандидатскую диссертацию, чему я был когда-то свидетелем. Публика тепло нас приветствовала.

Следующим был Валентин Григорьевич Песчанский, хорошо знавший И.М. и то далекое время, охотно рассказывающий всегда об этом, но не любящий, видимо, выносить это на большую аудиторию. Его рассказ был слишком кратким. Далее выступил Виктор Моисеевич Конторович, у которого сохранились любопытные материалы к 50-летию И.М.

Потом говорили В.И.Пересада, В.В.Слезов, А.А.Слущкин, В.Д.Нацик, И.Е.Чупис, С.И.Шевченко, Т.С.Чебанова, И.Е.Аронов, Л.Э.Генденштейн, В.М.Гвоздилов.

В общей сложности получилось 20 выступлений. Дело шло к 16.00. Публика держалась хорошо, но нельзя было злоупотреблять ее вниманием. У меня в запасе были, конечно, свои серии разных воспоминаний, но наступила пора кончать.

После "оральной" части конференции полагался некоторый перерыв. Часть публики удалилась, кое-кто проявил интерес к стендовым материалам, некоторые воспользовались возможностью пообщаться с коллегами в кулуарах. Организаторы оказались в несколько затруднительном положении, поскольку на чай-банкет всех присутствовавших пригласить не было возможности. Приходилось как-то отделять ветеранов от их окружения и завлекать их в банкетную аудиторию двумя этажами выше. В результате кое-кто ускользнул, да и не было четкого разграничения.

Пока народ суетился и рассасывался, мы с Андреем Шурдуком занимались уборкой аудитории. Я раздавал остатки памятных значков "КТФ 50", давал пояснения к стендовому докладу, благодарил гостей и хозяев помещения. Затем с О.Б.Заславским и А.Я.Разумным мы надписали именные экземпляры материалов конференции и раздали их. К этому времени банкет достиг апогея и вплотную подошел к чаю, но я успел за день проголодаться и поспешил домой на поздний обед. Говорят, что все обошлось благополучно: до битья посуды или физиономий дело не дошло.

На следующий день мы пошли благодарить хозяев банкетного зала за приют и извиняться за доставленное беспокойство.

Еще об одном событии стоит упомянуть. Накануне конференции на кафедру пришла выпускница физфака Г.М.Притула, сотрудничающая с "Тонисом". Она прослышала о нашем юбилее, собралась сделать маленькую телепередачу об этом и попросила какой-нибудь материал. У меня как раз были черновики статьи в газету "К 50-летию кафедры теоретической физики Харьковского госуниверситета" и стендового доклада "Воспоминания о кафедре 50-годов". Наша гостья сказала, что придет к началу конференции вместе с оператором для телесъемок. Свое слово она сдержала, а также принесла через два дня после конференции мои рукописи с комплиментами и благодарностью. По ее словам, 29 мая, после 19.00 по "Тонису" должны показать подготовленный ею фрагмент.

Здесь можно было бы кое-что добавить о некоторых околобанкетных событиях, о чем мне поведал А.М.Ермолаев. Но это материал, как говорится, "для служебного пользования". В воскресенье мы действительно увидели передачу о кафедральном юбилее. За несколько десятков секунд нашим гостям удалось смонтировать довольно емкое сообщение. По совету проректора В.В.Воробьева А.М.Ермолаев и я побывали в редакции университетской газеты. Там пожалели, что мы не сообщили им о нашей конференции, но приняли мою статью и даже согласились послушать кое-что из воспоминаний. Пообещали прислать

фотографа. Из Донецка пришла поздравительная телеграмма от нашего выпускника Гохфельда.

Во вторник, 31 мая, точно в 14.00 пришел фотограф и заснял наши книги, а также сделал несколько групповых снимков кафедры и взял фото Ильи Михайловича для пересъемки. Тогда же состоялось заседание кафедры, на котором было решено скинуться на видеокассету, чтобы переписать заснятое "Тонисом" и Б.М.Валиевым. В.М.Пыж пообещал принести такую кассету и через два дня сделал это.

Тяжелые времена

Середина 1990-х принесла полное разочарование в переделке нашего строя. Ожидалось, что переход к рыночной системе приведет к улучшению материального положения, что после временного роста цен наступит период стабилизации, а затем и падения цен благодаря конкуренции. Ничего подобного не вышло. Цены взвинтили, и в дальнейшем наблюдался только их неуклонный рост. Зарплата большинства работающих оказалась несопоставимой с ценами, к тому же ее постоянно задерживали, после чего она обесценивалась. Кучка проходимцев, воспользовавшись неразберихой и попустительством властей, присвоила основные богатства страны, оставив народ влачить жалкое существование в нищете. И на этом фоне были установлены совершенно неподъемные коммунальные тарифы. Вода, отопление, газ, электричество, транспорт, – все оказалось в руках монополистов, устанавливающих удобные им цены на главные жизнеобеспечивающие услуги. Жалкие попытки некоторых общественных организаций обуздать непомерные аппетиты монополистов не давали эффекта. Законодатели были заняты межпартийной политической борьбой, а контроль за порядком был потерян.

Особенно тяжело пришлось преподавателям. Причем не столько материально, сколько морально: сознание бессилия перед лицом наглости. Особенно больно было наблюдать начавшийся развал науки и образования. Всякая ломка без продуманных последствий пагубна. Сознательное уничтожение сложившихся десятилетиями научных школ никак не может быть оправдано перед будущими поколениями. Финансирование науки резко сократилось. Не выдержав сложившихся условий, многие опытные преподаватели уехали за границу, не говоря уже о талантливой молодежи. Началась кампания по втягиванию ученых в выпрашивание денег у забултых толстосумов. Нужно было подробно раскрывать научные планы и тематику своих работ, чтобы получить подачку в долларах. Все это было очень неприятно, выглядело как явное

информирование иноземных организаций о работах в стране, что в иные времена могло считаться большим грехом, а теперь власти сами принуждали это делать. Вся эта позорная кампания носила название соискания “грантов”. Кое-кто весьма преуспел в этом деле. Теперь стыдно, но я тоже участвовал до некоторой степени в этой акции. Правда, за все время удалось заполучить лишь 500 долларов (тогда это была внушительная сумма, поскольку зарплата наша составляла около 10 долларов). Такую же сумму получил я и за большой обзор в иноземном журнале, который мы опубликовали с О.Б.Заславским. Это послужило основным капиталом для приобретения моего персонального компьютера.

Юбилейство

Противно перечислять все неприятности нашего существования. Можно подумать, что ничего уже не осталось хорошего, светлого. Да, внешние условия диктовали именно такой пессимизм. Однако вопреки всей этой гадости жизнь продолжалась, принося и радостные моменты.

Три юбилейных торжества Александра Михайловича Ермолаева состоялись за последнее время: в 1993 году мы побывали у него дома на скромном праздновании, более широко отметили его 60-летие, а в прошлом году уже на кафедре отмечали 65 лет. В 1999 году прошел на физфаке и во ФТИНТе расширенный семинар памяти Бориса Иеремиевича Веркина. Он стимулировал написание моих воспоминаний. В частности, была зачата серия “Рассказы о летнем отдыхе”, в которой последовательно, год за годом я пытался вспоминать, где и когда наша семья отдыхала летом. За всю мою жизнь лишь во время войны была нарушена эта традиция. И вот настали времена, когда такой отдых опять стал невозможным. Последний раз мы отдыхали всей семьей в Друскининкае в 1989 году. Потом такой возможности не стало. Написание воспоминаний привело ко встречам с моими школьными друзьями, что описано в книжке “50 лет спустя”.

Говоря о других событиях этого периода, отметим, что удалось устроить регулярные научные конференции. Начиная с 1993 года, раз в два года на факультете устраивается международная конференция “Физические явления в твердых телах”. Как это происходило первый раз, подробно зафиксировано в моей шутливой поэме “Конференция”. В промежуточных годах шли конференции регионального уровня “Применение персональных компьютеров в научных исследованиях и учебном процессе”. С этой конференцией связан интересный казус. Впервые мы решили проводить ее в 1988 году. Тогда на это требовалось специальное министерское разрешение. Я подготовил и отправил туда все

необходимые документы, однако пришел курьезный ответ от какой-то руководящей дамы: такую конференцию проводить не следует, поскольку, мол, в научных исследованиях персональные компьютеры (ПК) не используются. Это в то время, когда уже и в нашей стране ПК получили весьма широкое распространение, хотя официально все делалось, чтобы этот процесс сдерживать. Даже запрещался ввоз в страну ПК. Вот какова была компетентность наших руководителей в те времена. О нынешних уже и говорить нечего.

Полезным делом стало возобновление после полувекового перерыва издания физической серии журнала “Вестник ХГУ”. Появилась и засверкала на временном горизонте очень круглая заманчивая дата – 200-летие нашего Университета. К тому же нашей кафедре предстояло отметить ее 60-летие. И все наши помыслы и усилия были направлены на то, чтобы отметить эти яркие рубежи. Чем мы могли воздать должное своим родным вузу и кафедре? Оказалось, что есть чем. Александр Михайлович Ермолаев первый подал пример, опубликовав за собственные деньги лежавшую десять лет в редакционно-издательском отделе рукопись своего учебного пособия. Это дало толчок дальнейшим действиям. Во-

В.П.Лебедев, В.В.Ульянов и Н.Т.Гладких перед открытием научной конференции «ФЯТТ» 28 октября 2003 года

первых, написанию и изданию за свои жалкие средства воспоминаний о былом. Появились три мемориальные серии: об ученых-физиках, о Детях физмата и о жизни в XX веке. Во-вторых, изданию монографий и учебных пособий, рукописные и электронные варианты которых уже давно

ожидали старта. Мы не стали ждать руководящих указаний сверху, а сами 12 октября 2001 года приняли официальное кафедральное протокольное решение об оживлении и стимулировании этой деятельности. За счет каких же средств? Кое-какие скудные суммы нам все же выплачивали за научную работу. Они могли позволить весьма ограниченные по тиражам и оформлению издания книг, но других вариантов не было. И мы окунулись в эту деятельность. Результаты, надо признать, превзошли первоначальные скромные ожидания. За два с половиной года удалось выпустить в свет более полусотни книг и брошюр.

Ныне

Ситуация нынешняя, к сожалению, не вызывает оптимизма. Правда, зарплаты и пенсии немного выросли, но цены-то растут еще быстрее, а так называемое изобилие товаров в магазинах оказывается обманчивым, поскольку появилось огромное количество подделок, фальсификатов, эрзацев. Так, при обилии колбас нет ни одной действительно качественной, даже среди дорогих. То же с сыром и т. д.

Очень неприятная реклама по телевидению отпугивает покупателей. Во-первых, за рекламу не несет никакой ответственности показывающий ее. Во-вторых, истинных цен рекламируемых товаров почти всегда не указывают, а говорят о “смешных” или “доступных” ценах, что на практике оказывается издевательством над большинством зрителей, для которых эти цены совершенно фантастичны. Реклама табачных изделий прекратилась, но зато свирепствует реклама алкоголя во всех видах. Любой товар выдается за нечто лучшее по сравнению с так называемым “обычным”, т. е., вопреки общепринятым нормам, охаивается товар конкурента, который повторяет такой же трюк со своим товаром. А потребитель так и не знает, где же истина.

Телеэфир завален низкопробными боевиками со сценами насилия. Мат в дубляже и в отечественных текстах совершенно откровенный. Музыкой теперь называют сплошную попу, с бессмысленным текстом, повторяемым десятки раз в сопровождении однообразного акустического раздражителя. Кабельное телевидение дает доступ к полусотни каналов, но очень редко удается найти что-нибудь интересное. Мы уже пресыщены показом примитивных кинокартин и новостей с ужасами современной жизни во всех уголках земли. Лишь иногда доставляют удовольствие старые фильмы, в частности так называемые трофейные, демонстрируемые по некоторым каналам. Плюс некоторые спортивные репортажи. Лишь КВН еще не окончательно обизнесменился, тогда как в прошлом самую интересную интеллектуальную игру “Что? Где? Когда?”

все больше превращают в развлечение так называемых “господ”. Новости же пестрят политическими и криминальными разборками, террором и беспросветностью. По радио звучат разоблачительные выступления депутатов во время трансляций заседаний Верховной Рады, а в то же время по телевидению передают успокоительные речи о подъеме экономики.

Дополнительные замечания

Здесь почти ничего не говорилось о важных для меня домашних делах, о товарищах и друзьях. До некоторой степени этот пробел восполняют описания в недавно изданных моих книжках “50 лет спустя” и “Два дня в Алуште”.

О МОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ

Изучение математики приносит истинную пользу только тому, кто занимается математикой не ради выгоды, а из любви к самой математике...

А.Реньи

То, что сегодня кажется объектом пустой любознательности, завтра может приобрести первостепенную практическую значимость.

С.Э.Фриш

Если предельно кратко резюмировать мою научную деятельность, то можно сказать, что мои работы были посвящены теории ядра, электронной теории металлов, квантовой механике, теории спиновых систем, квантовой кинетике, солитонной физике и компьютерным методам исследования.

Обычно первый шаг в научной работе студента начинается с курсовой работы, однако у меня это было иначе. Борис Иеремиевич Веркин, читавший нам общую физику, предложил мне, кажется, уже на втором курсе изучить статью Л.И.Мандельштама и реализовать описанный в ней эксперимент по параметрическому резонансу. Видимо, подсознательно уже тогда у меня сложилось впечатление, что экспериментальное поприще не для меня, хотя конструировать и работать руками был приучен с детства. Покопавшись в литературе и изучив описание прибора и теорию, я затягивал разговор с Борисом Иеремиевичем, и он вскоре, видимо, понял, что я, не проявив должного рвения, не гожусь для этой деятельности. Вот таким образом и решился вопрос о выборе специализации, – оставалось стать теоретиком.

Когда пришло время делать плановую курсовую работу, меня пригласил однажды в одну из комнаток 12-го корпуса строящегося Университета Лев Элеазарович Паргаманик и сообщил, что он назначен моим руководителем этой работы. Он вручил мне листок с наметками плана будущей работы и пригласил приходить к нему домой для дальнейшего продвижения. Так началось наше со Львом Элеазаровичем сотрудничество, закончившееся публикацией статьи в ЖЭТФе.

Объектом наших исследований была так называемая оптическая модель ядра, в которой взаимодействие нейтронов с ядрами описывалось комплексным потенциалом. До нас было много работ этого направления, так что пришлось изучить солидное количество статей в иностранных журналах. Задача состояла в более корректном учете вкладов различных моментов по сравнению с работами, где использовалось квазиклассическое приближение. Так судьба свела меня с квазиклассикой, которая в будущем стала для меня весьма привлекательной.

Работал я с увлечением. С удовольствием приходил к своему руководителю для бесед не только на научные темы. Меня Лев Элеазарович никогда не подгонял и не ругал, а очень деликатно направлял и советовал. Все же в результате работа оставила у меня двойственное впечатление. С одной стороны, она была признана интересной и актуальной, была напечатана в уважаемом журнале, но с другой стороны, она все же не была моей самостоятельной работой. Это была тематика Льва Элеазаровича того времени (потом он отошел от чисто ядерных проблем), а гораздо интереснее для молодого исследователя окунуться в то, что ты сам придумал, сам наметил и сам осуществил.

Следующим этапом было взаимодействие с Ильей Михайловичем Лифшицем. Именно с ним у меня возник несколько раз чисто профессиональный контакт еще во время студенчества, после чего он предложил мне аспирантуру и личное руководство. Это было очень ответственно и серьезно. Почти все беседы с Ильей Михайловичем были чисто научными. Очень хочется сейчас хотя бы перечислить все такие контакты.

Первый – сдача экзамена по спецкурсу без подготовки (1955). Второй – доклад на семинарском занятии о методе вторичного квантования в случае фермионов (1956). Третий – доклад о работе Ильи Михайловича и Арнольда Марковича Косевича об эффекте де Гааза – ван Альфена (1957). Четвертый – сдача вступительного экзамена в аспирантуру (часть теорминимума по механике и теории поля) (1957). Пятый – сдача теорминимума по статфизике (1957). Шестой – сдача

теорминимума по квантовой механике (1958). Седьмой – сдача теорминимума по квантовой электродинамике (1959). Восьмой – обсуждение темы кандидатской диссертации (1959). Девятый – обсуждение написанного мной отзыва на одну диссертацию в теоротделе Ильи Михайловича в УФТИ (1959). Десятый – обсуждение полученных мною результатов по диссертации (1960). Одиннадцатый – обсуждение ситуации в конце срока аспирантуры (1960). Двенадцатый – краткая беседа по поводу программы порученного мне спецкурса (1960). Тринадцатый (в Москве) – обсуждение полученных результатов и плана кандидатской диссертации (1972). Четырнадцатый (в Москве) – предъявление готовой кандидатской диссертации и получение отзыва научного руководителя (1974). Пятнадцатый (в Москве) – обсуждение полученных результатов и плана работы в докторантуре (1979). Шестнадцатый (в Москве) – вручение Илье Михайловичу моей первой книги и обсуждение полученных результатов и докторской диссертации (1980).

Каждая такая встреча была насыщенной конкретными обсуждениями, хотя и достаточно короткой. Возможно, я не все контакты сейчас вспомнил. Разумеется были и другие встречи с участием третьих лиц или на семинарах, а также на лекциях и пр., однако почти все перечисленные отличались тем, что происходили с глазу на глаз, без посторонних (хотя сдача теорминимума потом оформлялась протоколом с якобы присутствующими членами комиссии).

В моем аспирантском индивидуальном плане вначале чисто формально была записана предварительная тема “Релаксационные явления в сверхпроводниках”. Первый год аспирантуры ушел на интенсивные занятия по английскому языку и философии, а также на написание реферата по философским вопросам физики (“Проблема прерывности и непрерывности материи в современной физике”). Все это завершилось сдачей соответствующих экзаменов в счет кандминимума. Второй год ушел на сдачу экзаменов по теорминимуму. Фактически же лишь в начале третьего года аспирантуры была окончательно сформулирована конкретная тема работы “Влияние столкновений частиц на эффект де Гааза – ван Альфена”, в которой предполагалось учесть взаимодействие электронов в металле методами квантовой теории поля. Я приступил к выполнению намеченного плана... Впрочем, даже забега несколько вперед, здесь уместно, по-видимому, вставить фрагмент из моей книги об Илье Михайловиче Лифшице:

“На некотором этапе обучения в аспирантуре все же дошла очередь и до формулировки темы. Ильей Михайловичем были предложены на выбор три направления, которые были актуальными в то время: нелинейная квантовая теория поля, теория сверхпроводимости при произвольном законе дисперсии электронов, учет взаимодействия электронов в теории эффекта де Гааза – ван Альфена. После некоторых раздумий я выбрал последний вариант. Однако пока я только приступал к задаче, другие теоретики сделали работу по этой тематике и опубликовали ее. Правда, вскоре оказалось, что весь подход к этому вопросу был слишком узким и перекрывался более общей теорией, также вскоре опубликованной.

Из всей этой истории, однако, я извлек полезный урок, что не следует гнаться за модными новыми проблемами, где всегда подстерегает соперничество с более пробивными и оперативными людьми. Не раз в те времена и впоследствии приходилось быть свидетелем того, как научное соперничество выливалось в прямую вражду очень уважаемых мною людей.

Нужно было искать свою нишу, лежащую, может быть, и не на самом передовом рубеже, но из которой потом могло бы развиваться самостоятельное перспективное направление. Правда, на это ушли годы, но зато тематика выбиралась по своему вкусу, а не из престижных соображений.

После окончания аспирантуры и неудачной попытки с темой диссертации я не решался на публикацию получаемых результатов, считая их недостойными ученика Ильи Михайловича. Контакты с ним были весьма редкими. Он всегда поддерживал идею работы, но мне все казалось мелким. Леонид Степанович Гулида всячески старался переубедить меня, рекомендовал сосредоточиться на каком-то, пусть не очень выигрышном, результате, но я ждал от себя большего. Теперь, перебирая бумаги и вспоминая, над какими задачами приходилось работать, я понимаю, что сделал большую ошибку, что все полученное вполне заслуживало опубликования, особенно в сравнении с тем, что появлялось и появляется теперь в физических журналах.

Первое время тематика моих поисков была все же близка к направлениям Ильи Михайловича. Только позднее, уйдя в другую область теории и найдя свою независимую нишу, я приступил к публикациям. Правда, старые работы тоже сыграли свою роль: кое-что пригодились для первой моей книги "Задачи по квантовой механике и квантовой статистике", но главное было в приобретении опыта самостоятельной работы. Исписывались сотни страниц формулами,

наращивались приемы преобразований, формировались навыки тяжелого труда теоретика, когда десятки страниц с расчетами приводят к одной скромной формуле в публикации.

Так произошел переход от вопросов электронной теории твердых тел через полосу промежуточных исканий к общим проблемам квантовой теории.

Так родились тема кандидатской диссертации, а потом и докторской, поддержанные Ильей Михайловичем, после которых появились сразу несколько дорог – спиновые системы, квантовая кинетика, солитоны и компьютерное моделирование. Конечно, работать сразу в нескольких направлениях трудно, но, во-первых, накоплен некоторый опыт, во-вторых, есть ученики, в-третьих, только на первый взгляд это разные области деятельности: в действительности все эти вопросы до некоторой степени связаны между собой”.

Так закончились первые этапы моей научной работы – теория ядра и электронная теория металлов.

Затем наступил переходный период самостоятельных поисков своего собственного направления. Чтение мною курса лекций по квантовой механике, а также спецкурса по дополнительным ее главам позволило найти много нерешенных проблем в этой увлекательной области теоретической физики. Прежде всего открылись интересные вопросы в квазиклассическом приближении. Особые случаи применения квазиклассики в сочетании с локальными точными решениями в областях резкого пространственного изменения потенциального поля при описании движения частиц легли в основу цикла публикаций, которые затем составили костяк моей кандидатской диссертации. Там же были развиты и другие подходы, впоследствии пригодившиеся для решения иных вопросов (матрица связи локальных решений, интегральные уравнения, квазиклассика более высоких приближений).

Защитив диссертацию, я перешел к интенсивной публикации накопившихся работ других направлений. Причем важную стимулирующую роль сыграли мои студенты, которых я привлекал в качестве соавторов. Материала оказалось так много, что хватило не только на весьма насыщенную разнообразием тем первую мою книгу “Задачи по квантовой механике и квантовой статистике”, но и монографию “Интегральные методы в квантовой механике”, легшую в основу моей докторской диссертации.

Если говорить о конкретных достижениях этого периода, то можно назвать следующее. Впервые была поставлена и решена задача об общей

формулировке правил квантования энергии для произвольных систем на основе предложенного и развитого подхода, названного “нефункциональным” (НФП).

Впервые на основе интегральных уравнений был установлен общий критерий существования локальных связанных состояний, учитывающий влияние различных факторов (характера закона дисперсии, вида граничных условий, значения размерности пространства и т. п.).

Новым явилось обобщение квантового соотношения неопределенностей для величин, взятых в разные моменты времени, и с учетом корреляции между ними.

Был предложен новый принцип получения сред с искусственно созданными периодическими свойствами.

Вслед за этим появились новые направления деятельности. Вначале благодаря Виктору Моисеевичу Цукернику я познакомился с новыми для меня квантовыми объектами – так называемыми спиновыми системами. Вместе с Олегом Борисовичем Заславским, обучавшимся тогда у нас в аспирантуре, был выполнен ряд работ, составивших весьма плодотворное новое направление.

В частности, были обнаружены совершенно необычные новые классы точных решений уравнения Шредингера при исследовании спиновых систем с помощью метода эффективных полей на основе идеи спин-координатного соответствия. Это направление впоследствии получило в зарубежной литературе название квазиточнорешаемых моделей.

Были предсказаны и обнаружены новые необычные превращения энергетических зон, названные магнитными и спиновыми периодическими структурными переходами, на основе сочетания аналитических и численных методов.

Впоследствии вместе с О.Б.Заславским был опубликован большой обзор: Ulyanov V.V, Zaslavskii O.B. New methods in the theory of quantum spin systems // Phys. Rep. - 1992. - V. 216, № 4. - P. 179-251. После чего было получено приглашение от известной зарубежной компании “World Scientific Publishing Co.” написать монографию, которая получила предварительное название “Spin systems: new methods and quasi-exactly solvable models”.

К этому же периоду относится мое увлечение компьютерными методами исследования. На разных вычислительных машинах и с помощью разных языков программирования был выполнен большой

фронт работ, а затем пришло время персональных компьютеров, для которых писались десятки программ с разработками по моделированию различных явлений. В частности, для меня особенно увлекательным было изучение различных фрактальных объектов.

Новая технология позволила вести исследования в сочетании аналитических, численных и графических расчетов. Первые результаты таких подходов были изложены в вышедшей в 1987 году моей книге “Методы квантовой кинетики”, а также в запланированной и одобренной к изданию специальной книге по компьютерным методам исследования, которая не была издана из-за изменения общей обстановки в стране.

К указанным направлениям добавилось солитонное, благодаря контактам с Виктором Моисеевичем Цукерником и работам Арнольда Марковича Косевича. Они заразили меня интересом к этой новой области теоретической физики. Оказалось, что спиновые и солитонные системы имеют много общего и открывают широкое поле деятельности для пытливых исследователей. Впервые достаточно подробно общность спиново-солитонных вопросов была продемонстрирована в кандидатской диссертации моей аспирантки Юлии Владимировны Василевской “Точно решаемые квантовые потенциальные модели спинового и солитонного происхождения”. Тогда же была задумана наша с нею монография “Новые квазиточнорешаемые модели в квантовой теории спиновых систем”.

Так произошла эволюция моих научных интересов от вопросов ядерной физики и электронной теории металлов в магнитном поле к квазиклассическим методам квантовой механики, а затем – к интегральным подходам в квантовой теории, новым методам в квантовой теории спиновых систем, квазиточнорешаемым моделям, квантовой кинетике, фракталам, солитонной теории и компьютерным методам исследования.

О списке моих трудов

Несколько лет тому назад, суммируя сделанное за разные годы, я попытался составить такой достаточно полный перечень.

Во-первых, в него входят работы, которые обычно приводятся в официальных документах при переизбраниях на должность и т. п. (монографии, учебные пособия, обзоры, статьи, научно-популярные брошюры и др.). Таких набралось 250.

Во-вторых, есть книги, брошюры и статьи, уже подготовленные или готовящиеся к печати (около двух десятков).

Наконец, нельзя не упомянуть несколько десятков программ для персональных компьютеров (вычислительные, анимационные, обучающие, моделирование явлений, аналитические расчеты, демонстрации для докладов, лекций и практических занятий и др.). Они никогда нигде не учитываются, однако по объему затраченного труда каждая из таких разработок сопоставима с обычной печатной работой.

Приводить подобный полный список, занимающий несколько десятков страниц, в данном издании не стану, а выделю лишь некоторые работы из тех, что в определенном смысле можно считать основными (см. следующую страницу).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В.В.УЛЬЯНОВА

Книги:

1. Задачи по квантовой механике и квантовой статистике. - Х.: Высшая школа, 1980. - 216 с.
2. Интегральные методы в квантовой механике. - Х.: Высшая школа, 1982. - 160 с.
3. Методы квантовой кинетики. - Х.: Высшая школа, 1987. - 144 с.
4. Вступ до квантової кінетики. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразіна, 2004. - 164 с.
5. Новые квазиточнорешаемые модели в квантовой теории спиновых систем. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразіна, 2005. - 124 с. - Соавт: Василевская Ю.В.
6. Фракталы: от математики к физике (+CD). - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразіна, 2005. - 52 с. - Соавт: Синельник Е.Н.

Диссертации:

7. Особенности квантовомеханического движения в резко изменяющихся полях. Автореферат кандидатской диссертации. - Х.: ХГУ, 1975. - 17 с.
8. Интегральные методы в квантовой теории локальных неоднородностей и периодических структур. Автореферат докторской диссертации. - Х.: ХГУ, 1986. - 28 с.

Обзоры, статьи, учебные пособия и научно-популярные книги:

9. К теории взаимодействия быстрых нейтронов с различными моментами с полупрозрачными ядрами // ЖЭТФ. - 1958. - Т. 35, № 1. - С. 258-264. - Соавт.: Паргаманик Л.Э.
10. О квазиклассическом движении в особых случаях // УФЖ. - 1973. - Т. 18, № 11. - С. 1848-1859.
11. О соотношении неопределенностей // Изв. вузов, Физика. - 1975. - № 2. - С. 146-148.
12. Новые классы точных решений уравнения Шредингера и описание спиновых систем с помощью потенциальных полей // ЖЭТФ. - 1984. - Т. 87, № 5. - С. 1724-1733. - Соавт.: Заславский О.Б.
13. Периодические эффективные потенциалы для спиновых систем и новые точные решения одномерного уравнения Шредингера для энергетических зон // ТМФ. - 1987. - Т. 71, № 2. - С. 260-271. - Соавт.: Заславский О.Б.
14. New methods in the theory of quantum spin systems // Phys. Rep. - 1992. - V. 216, № 4. - P. 179-251 (большой обзор). - Соавт.: Заславский О.Б.
15. Новые точные решения уравнения Шредингера с потенциалами спинового и солитонного происхождения // ФНТ. - 1997. - Т. 23, № 1. - С. 110-119 (обзорная статья). - Соавт.: Заславский О.Б., Василевская Ю.В.
16. Spin systems, spin coherent states and quasi-exactly solvable models // Proc. of the XXII Int. Colloquium on Group Theor. Methods in Physics (Cambridge, MA: Int. Press). - 1998. - P. 213-217 (обзорная статья). - Соавт.: Заславский О.Б.
17. Tunneling series in terms of perturbation theory for quantum spin systems //

- Phys. Rev. B.-1999. - V. 60, N 9. - P. 6212-6214. - Соавт.: Заславский О.Б.
18. Илья Михайлович Лифшиц. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2001. - 24 с.
  19. Моисей Исаакович Каганов. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2001. - 36 с. – Соавт.: Ермолаев А.М.
  20. Вводные лекции по квантовой механике. Ч.1-2. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 68 с.
  21. Лев Элеазарович Паргаманик. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 20 с.
  22. Леонид Степанович Гулида. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 24 с. – Соавт.: Песчанский В.Г.
  23. Борис Иеремиевич Веркин. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 20 с.
  24. Арнольд Маркович Косевич. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 32 с. - Соавт.: Ермолаев А.М.
  25. Виктор Моисеевич Цукерник. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 24 с.
  26. Валентин Григорьевич Песчанский. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 36 с. - Соавт.: Ермолаев А.М.
  27. Эмануил Айзикович Канер. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 24 с. – Соавт.: Ермолаев А.М.
  28. Александр Ильич Ахиезер. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 28 с. – Соавт.: Ермолаев А.М., Степановский Ю.П.
  29. На Университетской. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 24 с.
  30. О квазиклассическом движении частиц в полях с особенностями. – Х.:ХНУ им. В.Н.Каразина, 2002. - 24 с.
  31. Андрей Владимирович Желеховский. - Х.:ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. - 40 с.
  32. Игорь Иванович Фалько. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. - 32 с. Соавт.: Ермолаев А.М.
  33. Владимир Петрович Галайко. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. - 24 с. - Соавт.: Песчанский В.Г.
  34. Александр Михайлович Ермолаев. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. - 44 с. - Соавт.: Рашба Г.И.
  35. К истории физического факультета и кафедры теоретической физики. Ч. 1-2. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2003. - 40 с.
  36. К истории физического факультета и кафедры теоретической физики. Ч.3. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2004. - 80 с. - Соавт.: Ермолаев А.М.
  37. Олег Иванович Любимов. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2005. - 28 с. – Соавт.: Ермолаев А.М.
  38. Илья Михайлович Лифшиц. Изд. 2-е, доп. (+DVD). - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2007. - 40 с.
  39. Ландау в Харькове. - Х.: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2008. - 40 с.

Книги, готовящиеся к изданию:

40. Компьютерные исследования квантовых явлений.
41. Солитонные потенциалы в квантовой теории.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Я начал оглядываться на зигзаги
своего жизненного пути.*

А.Абрагам

К первому изданию

Эту книжку я уже хотел отдать в печать в 2002 году, даже успел ее заявить в списке изданного, как вдруг ситуация резко изменилась. На очереди стояли другие, неотложные издания. Пришлось временно подождать. Правда, ожидание затянулось на полтора года. Больше откладывать нельзя.

Когда рождалась идея описания 50-летнего служения моего в нашем Университете, то вначале предполагалось дать последовательное, хронологическое изложение всех событий. Однако это потребовало бы перелопачивания тех очерков, которые уже были написаны по разным поводам и которые не хотелось изменять и дополнять. Да и нет хроники событий, так как никогда не вел дневниковых записей. С другой стороны, 50 лет срок огромный. Даже беглое перечисление событий и фактов, без осмысливания составило бы слишком большой объем. К тому же неизвестно, нужно ли вообще это делать.

Завалы бумаг за прошедшие годы неоднократно разбирались и прореживались, хотя все равно осталось огромное количество документов, из которых при желании можно было бы извлечь достаточно материала для любой отдельной жизненной темы. Однако никогда не считал, что настанет время разбирать их с целью описания.

Отдельная тема — научная работа. Каждый раз в своих воспоминаниях подчеркивал, что здесь не место подробно рассказывать об этой, главной стороне своей жизни. А когда и где это можно сделать? Ведь помимо перечисления самих результатов и направлений деятельности, а также достижений, есть еще подходы к ним, развитие событий, переход от замысла к воплощению, метания и сомнения, озарения и удручения, трудности реализации и радости получения конечных результатов. Самому было бы интересно вспомнить, как рождалось то, что когда-то составляло основное содержание твоей жизни, однако узкие рамки книги заставляют отказаться от подробного изложения, ограничившись краткими заметками.

Март 2004 года

Ко второму изданию

Первое издание этой книжки быстро разошлось, так что я решил повторить ее публикацию с небольшими уточнениями и дополнениями. За истекшее время произошли некоторые важные для меня события. Во-первых, мне удалось издать несколько книг и брошюр, среди которых три монографии. Удалось оцифровать киноленты, снятые моим отцом любительской кинокамерой, так что последняя книга моих воспоминаний «Рассказы о летнем отдыхе» сопровождается компакт-диском с восстановленными и озвученными фрагментами фильмов, относящихся к описываемому периоду (1962-1967 гг.). Во-вторых, в августе прошлого года мне с сыном Николаем удалось побывать в Москве. В Харькове мы купили путевки на трехдневный экскурсионный тур. Мне было очень интересно увидеть после двадцатилетнего перерыва нашу былую столицу. Увы, общее впечатление от виденного огорчительное. В-третьих, в этом году наш физматовский выпуск готовится отметить 50-летие окончания Университета. В-четвертых, в январе 2007 года нам удалось провести международную научную конференцию «Теория конденсированного состояния», посвященную 90-летию со дня рождения академика Ильи Михайловича Лифшица – основателя нашей кафедры теоретической физики и моего научного руководителя и Учителя. К этой дате вышла в свет книжка моих воспоминаний о И.М.Лифшице (второе издание + DVD). Кроме того, администрация Университета предложила изменить название нашей кафедры. Отныне ее решено называть «Кафедра теоретической физики имени академика И.М.Лифшица». Беспрецедентное событие в жизни нашего Университета: до сих пор имена ученых присваивались отдельным аудиториям, но не коллективам кафедр. Это явилось признанием заслуг научной школы теоретической физики нашего Учителя.

Таковы некоторые положительные моменты в нашей жизни. Увы, гораздо больше в ней отрицательных. По-прежнему наука влачит жалкое существование. Наши лучшие выпускники вынуждены уезжать в другие страны. Еще хуже обстоит дело с образованием, которое всегда и везде в мире признавалось образцовым, а теперь подвергается всяческому непродуманным реформам, призванным его развалить. Это очень печально отмечать.

Добавлю, что недавно курьезная ситуация возникла у меня в связи с харьковским выпуском газеты «Комсомольская правда». В начале ноября 2005 года ко мне обратилась журналистка этой газеты с просьбой рассказать о том, как живет человек с сочетанием «Владимир Ульянов». Мы встретились и в течение 40 минут поговорили на эту тему.

Правда, из нашей беседы она оставила только то, что укладывалось, вероятно, в заранее принятую ее редакторами концепцию.

Это было днем, а утром я по дороге в Университет купил в киоске такую газету, чтобы познакомиться с этим изданием, так как после 1991 года ее не видел. Каково же было мое удивление, когда там я обнаружил уже напечатанную статью с названием «Среди родственников харьковчанина Владимира Ульянова – Гоголь и Грибоедов» и тремя фото: мое изображение между Гоголем и Грибоедовым.

Вот такое любопытное предновогоднее приключение выпало тогда на мою долю! Замечу, что о своем родстве с упомянутыми писателями (а также с Пушкиным) я узнал лишь сравнительно недавно и описал в книге «Родословная нашей семьи», изданной в 2004 году.

Март 2007 года

К третьему (электронному) изданию

Кратко о событиях 2007 года. Он оказался чрезвычайно насыщенным интересными для меня событиями и деяниями. Наш физматовский курс отметил-таки 50-летие окончания Университета. Меня включили в Оргкомитет, так что в течение четырех месяцев мы готовились к этому событию. 26 мая встреча выпускников состоялась. Это было очень здорово. Нас собралось 60 человек из бывших 245. Были и знакомства (после 50 лет!), и объятия, и поцелуи, и торжественная часть с участием нашего ректора, и моим выступлением с приветственным стихом, и художественная часть с пением и демонстрацией кинофильма об аналогичном сборе в 1977 году. Все завершилось банкетом в нашем же здании Университета и пикником в Пятихатках на следующий день. Это было настолько удачно, что я тут же засел за написание книжечки «Как мы праздновали 50-летие окончания Университета», которую быстро завершил. К ней прилагается компакт-диск со снимками нашего студенческого времени. Через месяц она уже была напечатана. В сентябре наши девчата, с которыми я фактически познакомился только полвека спустя (!), организовали презентацию этой книжки в виде еще одного приватного банкета на 15 персон. А в промежутке между этими событиями были печальная весть из Германии и моя поездка с сыном Колей в Москву. 28 июня умер мой одноклассник и замечательный поэт-пародист Виктор Евгеньевич Рубанович. 6 июля я побывал на презентации его последней книги пародий «Обыкновенное лох-несское чудо» в нашей замечательной музыкально-театральной библиотеке имени К.С.Станиславского. После этого я занялся написанием книжки воспоминаний о Вите. В течение полутора месяцев возился с материалами и особенно фотографиями с участием Вити, коих набралось порядка 80 (к книжке планируется приложение компакт-диска со слайд-шоу на основе этих фотографий). Затем мы с сыном 3-5 августа по туристической путевке поехали в Москву. Почти повторилось то, что было в прошлом году: хорошая погода с небольшими дождями, приличная гостиница в районе Ботанического сада, интересный обзор достопримечательностей на автобусе, пребывание в гостях у наших родственников и т. п. Остались очень довольны. В начале декабря я получил большое теплое послание от своего одноклассника Анатолия Павловича Завалишина – выдающегося специалиста по ракетно-космическим делам, генерала, многие годы командовавшего главным полигоном на Байконуре. 22 января 2008 года – 100-летний юбилей Льва Давидовича Ландау. Это крупнейший физик-теоретик нашей эпохи. В декабре у нас была проведена международная научная конференция в его честь. К этим событиям я издал книжку «Ландау в Харькове». Вот таковы печальные, а также приятные события в моей жизни. О других неприятных не буду упоминать. Их всегда бывает достаточно у каждого.

Декабрь 2007 года

НАШ КУРС ВЫПУСКА 1957 ГОДА

Почти через полвека после окончания физмата у меня появилась возможность привести списки всех выпускников нашего курса (245 человек) с отчествами, которые в свое время оставались обычно неизвестными. Хотя радиофизики отделились на втором году обучения, но мы продолжали считаться единым курсом. Студенток у нас было больше (136), чем студентов (109).

Ф И З И К И

Вергунов Виталий Сергеевич	Винник Михаил Аввакумович
Гончаров Александр Сергеевич	Дзюба Александр Сергеевич
Евтрохов Иван Сергеевич	Ерохин Николай Александрович
Зозуляк Галина Михайловна	Иванов Иван Георгиевич
Каневская Элла Моисеевна	Кладковой Анатолий Гаврилович
Клименко Владимир Данилович	Ковалевская Юлия Антоновна
Кононенко Михаил Иванович	Кульчицкий Владимир Алексан-ич
Кухарев Виктор Андреевич	Манохина Лидия Ефимовна
Мельник Леонид Григорьевич	Нестриженко Юрий Андреевич
Онищенко Эдуард Васильевич	Павличенко Леонид Андреевич
Павлюк Любовь Павловна	Певко Александр Петрович
Пиковец Владимир Андреевич	Рашевский Виталий Дмитриевич
Самойленко Виталий Степанович	Серигов Виктор Степанович
Сизов Геннадий Дмитриевич	Скрынник Юрий Борисович
Соколенко Тамилла Владимировна	Соломко Виталий Петрович
Старунов Николай Григорьевич	Суровцев Иван Яковлевич
Тенетко Николай Иванович	Третьяченко Николай Антонович
Ульянов Владимир Владимирович	Цыгуткин Семён Григорьевич
Чалый Леонид Григорьевич	Шарапов Анатолий Иванович
Шейнерт Дмитрий Васильевич	Шеховцова Алла Ивановна
Шишова Людмила Николаевна	Щербаков Виктор Архипович

М А Т Е М А Т И К И

Александров Юрий Владимирович	Антипенко Варвара Иосифовна
Антыпко Инна Исааковна	Бердичевская Людмила Прокоф-на
Биндюг Нина Александровна	Бублик Алла Михайловна
Великая Сусанна Михайловна	Виноградова Тамара Алексан-на
Волокита Людмила Ивановна	Гаврилюк Мария Петровна
Горбань Арнольд Васильевич	Гурарий Владимир Ильич
Гурарий Владимир Перцович	Дегтяр Нина Михайловна
Деревянко Лидия Алексеевна	Дикий Григорий Петрович
Дмитриева Нина Петровна	Дорохова Антонина Ивановна
Доценко Любовь Петровна	Дымковская Лидия Михайловна
Ерёменко Наталья Фёдоровна	Зайцева Людмила Николаевна
Клец Валентина Даниловна	Кобзева Нина Васильевна
Копилович Лазарь Ефимович	Криворучко Валентина Ивановна
Криппа Тамара Владимировна	Крупко Вера Андреевна

Ланцман Светлана Лейзеровна
Лубченко Валентина Михайловна
Мартынова Мария Петровна
Могульский Евгений Зиновьевич
Нестеренко Людмила Антоновна
Пантелеймонова Лидия Иосифовна
Рабинович Александр Маркович
Ревенко Галина Никитична
Ренская Корнелия Викторовна
Рябоконь Альбина Петровна
Синица Лидия Алексеевна
Солодухина Антонина Григ-на
Терещенко Таиса Алексеевна
Ушакова Ирина Владимировна
Хмелева Зинаида Васильевна
Чаплыгина Валентина Алексеевна
Щербина Владимир Александрович

Лебедева Любовь Павловна
Мазниченко Алла Викторовна
Мешик Альберт Алексеевич
Мотылевская Раиса Евгеньевна
Охрименко Наталья Николаевна
Пионтковская Виктория Иосифовна
Радченко Маргарита Фёдоровна
Ремаева Мирослава Семёновна
Решетняк Любовь Фёдоровна
Симбирская Тамара Григорьевна
Смотрина Нинель Васильевна
Тарасенко Ольга Викторовна
Трофимова Маргарита Николаевна
Федорякина Александра Алекс-на
Цыбулько Анна Григорьевна
Чеботарёва Лидия Яковлевна

Я Д Е Р Щ И К И

Андреев Георгий Борисович
Белоглазов Владимир Иванович
Бляшенко Глеб Степанович
Бочаров Владимир Константинович
Волков Евгений Дмитриевич
Вылупко Иван Кондратьевич
Гордиенко Ярослав Иванович
Демуцкий Виктор Петрович
Дробаченко Олег Владимирович
Егоров Евгений Иванович
Ильенко Борис Павлович
Кирочкин Юрий Алексеевич
Козлов Виктор Фёдорович
Коновалов Иван Иванович
Корнилов Евгений Александрович
Кривуля Сергей Семёнович
Лимарь Анатолий Георгиевич
Литвинов Виталий Васильевич
Маринин Владимир Григорьевич
Ораевский Виктор Николаевич
Петренко Виктор Васильевич
Привезенцев Владимир Иванович
Слабоспицкий Александр Павлович
Сухомлин Евгений Афанасьевич
Толстой Анатолий Ефимович
Шевчук Борис Алексеевич

Белов Юрий Александрович
Березина Галина Петровна
Бойко Виталий Александрович
Бутенко Анатолий Николаевич
Воробьев Михаил Александрович
Глушко Павел Иванович
Гужовский Иван Трофимович
Дикий Анатолий Григорьевич
Дубинский Иван Григорьевич
Иванищенко Андрей Алексеевич
Катрич Николай Петрович
Киценко Александр Борисович
Колендовский Мирослав Григ-ич
Корниенко Юрий Вячеславович
Костюк Владимир Петрович
Кунченко Виктор Владимирович
Литвиненко Анатолий Степанович
Луценко Евгений Иванович
Мартынов Алексей Иванович
Павлов Юрий Сергеевич
Поляшенко Рем Фёдорович
Ромашко Николай Дмитриевич
Солодовченко Сергей Иванович
Тернополь Александр Михайлович
Тополя Николай Васильевич
Шестерненко Виктор Иванович

РАДИОФИЗИКИ

Авдиенко Ада Андреевна	Агеев Александр Михайлович
Адольт Елена Викторовна	Андросова Галина Констант-на
Бабыка Галина Павловна	Бестужева Татьяна Борисовна
Бриткевич Калерия Леонидовна	Бутенко Людмила Павловна
Вакуленко Зинаида Павловна	Верлооченко Георгий Иванович
Водолажченко Виктория Витальевна	Волкова Юлия Васильевна
Вязьмитинова Леся Ивановна	Гончаренко Нина Яковлевна
Горбач Жанна Александровна	Дикая Тамара Степановна
Ефименко Алла Григорьевна	Жмакина Эсмеральда Романовна
Жук Иван Николаевич	Иванова Маргарита Георгиевна
Капелюжная Алевтина Констант-на	Карпович Галина Степановна
Кирилова Маргарита Яковлевна	Кириченко Александр Яков-ич
Кириченко Валентина Фёдоровна	Кириченко Людмила Алексан-на
Кожухарь Людмила Александровна	Козырева Алла Ивановна
Колосов Михаил Васильевич	Кошечая Лидия Павловна
Крамская Татьяна Ивановна	Кремена Валерий Петрович
Кузьменко Маргарита Фёдоровна	Кутовая Лариса Алексеевна
Лаптева Лилия Петровна	Лахтина Людмила Васильевна
Лимарь Зинаида Андреевна	Лисицкая Тамара Ивановна
Литвиненко Раиса Степановна	Луценко Тамара Александровна
Майорова Лилия Александровна	Медведева Евгения Фёдоровна
Мельситова Галина Александровна	Менде Ирина Фёдоровна
Миссевр Людмила Александровна	Моралина Алла Борисовна
Моторненко Александр Петрович	Мусяенко Алексей Петрович
Мынко Раиса Сергеевна	Николаева Раиса Ивановна
Новохатная Людмила Евгеньевна	Откидач Валентина Андреевна
Паламарчук Алиса Петровна	Панасенко Людмила Борисовна
Парм Лилия Михайловна	Перепелкина Инга Ивановна
Петров Юрий Владимирович	Петрова Нина Антоновна
Питонова Светлана Григорьевна	Пляшенко Елена Михайловна
Попова Людмила Ивановна	Прущак Тамара Андреевна
Ревтова Анастасия Андреевна	Резниченко Нина Фёдоровна
Романько Нина Артемовна	Руденко Зинаида Даниловна
Рябеко Алла Анатольевна	Савченко Римма Ивановна
Саенко Людмила Николаевна	Салова Евгения Ивановна
Свободина Людмила Петровна	Семенов Леонид Владимирович
Семенцова Людмила Георгиевна	Скворцова Неля Павловна
Солодовников Глеб Анатольевич	Стеблянко Илья Савельевич
Тимофеев Аполлон Александрович	Ткаченко Ольга Юрьевна
Трублаини Наталья-Нора Николаевна	Тузова Тамара Александровна
Филоненко Элла Сергеевна	Фиронова Тамара Филипповна
Чепурная Наталья Михайловна	Шелиховская Надежда Павловна
Шерстюк Валентина Владимировна	Шерьшева Лидия Алексеевна
Шеховцов Николай Алексеевич	Шило Алла Александровна
Яковенко Владимир Мефодиевич	Яковенко Людмила Онуфриевна

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
УЧЕБА	5
ПРЕПОДАВАНИЕ.	20
ЗАВЕДОВАНИЕ КАФЕДРОЙ.	53
ОСВОБОЖДЕНИЕ	71
О МОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ	82
СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ.	89
ПОСЛЕСЛОВИЕ.	91
ПРИЛОЖЕНИЕ.	94
МОИ СОКУРСНИКИ.	94

Ювілейне видання
Володимир Володимирович Ульянов
ПІВВІКУ В УНІВЕРСИТЕТІ
(Зі «Спогадів фізика-теоретика»)
Третє видання, доповнене, електронне

Відповідальний за випуск О.М.Єрмолаєв

Підп. до друку 20.12.07. Формат 60х84 1/16. Папір офсетний.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 6,5. Обл.-вид. арк. 8,7.

ХНУ ім. В.Н.Каразіна, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.

**Издания кафедры теоретической физики имени
академика И.М.Лифшица (вклад Ульяновых)
К 200-летию Харьковского университета**

Серия монографий и учебных пособий

1. В.В.Ульянов. ВСТУП ДО КВАНТОВОЇ КІНЕТИКИ. – 2004.
2. Ю.В.Василевская, В.В.Ульянов. НОВЫЕ КВАЗИТОЧНОРЕШАЕМЫЕ МОДЕЛИ В КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ СПИНОВЫХ СИСТЕМ. – 2005.
3. Е.Н.Синельник, В.В.Ульянов
ФРАКТАЛЫ: ОТ МАТЕМАТИКИ К ФИЗИКЕ (+CD). – 2005.
4. А.В.Лымарь, В.В.Ульянов
ФРАКТАЛЫ: ОТ МАТЕМАТИКИ К ФИЗИКЕ. Ч.2 (+CD). – 2010.
5. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА НА ФИЗИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сост. В.В.Ульянов. – 2009.
6. В.В.Ульянов. О КВАЗИКЛАССИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ЧАСТИЦ
В ПОЛЯХ С ОСОБЕННОСТЯМИ. – 2002.
7. В.В.Ульянов
ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ. Ч. 1. – 2002.
8. В.В.Ульянов
ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ. Ч. 2. – 2002.
9. В.В.Ульянов. К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 1. – 2003.
10. В.В.Ульянов. К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч. 2. – 2003.
11. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов. К ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА И КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ. Ч.3. – 2004.
12. А.М.Ермолаев, Н.В.Ульянов. СПИНОВЫЕ ВОЛНЫ В
НЕФЕРРОМАГНИТНЫХ ПРОВОДНИКАХ С ПРИМЕСНЫМИ
СОСТОЯНИЯМИ ЭЛЕКТРОНОВ. – 2006.
13. A.M.Ermolaev, N.V.Ulyanov. ELECTRON SPIN WAVES IN
NONMAGNETIC CONDUCTORS WITH RESONANCE STATES OF
ELECTRONS. – 2008.
14. О.М.Єрмолаєв, В.В.Ульянов. СТИСЛИЙ НАРИС ІСТОРІЇ
КАФЕДРИ ТЕОРЕТИЧНОЇ ФІЗИКИ ІМЕНІ АКАДЕМІКА
І.М.ЛІФШИЦЯ. – 2008.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний о Детях физмата

1. В.В.Ульянов
АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ШАРАПОВ. – 2002, 2007(CD).
2. В.В.Ульянов. НА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ. – 2002, 2007(CD).
3. В.В.Ульянов. МОЙ ДРУГ ТОЛЬКА (АНАТОЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ КЛАДКОВОЙ). – 2002, 2007(CD).
4. ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА
  - Ч.I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Дзюба А.С., Перваков В.А., Сизова З.И., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2002.
  - Ч. I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С., Гапон Э.В., Иванов И.Г., Кондратьев Б.В., Мерисов Б.А., Ульянов В.В., Хижковский В.П., Шарапов А.И. - 2002.
  - Ч.I I I. Сборник рассказов. Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С., Козинец В.В., Кондратьев Б.В., Николаев Г.Т., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2002.
  - Ч.IV. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Ульянов В.В., Чебанова Т.С. - 2002.
  - Ч.V. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Валиев Б.М., Гребенник И.П., Мерисов Б.А., Сизова З.И., Ульянов В.В. - 2002.
  - Ч.VI. Сборник рассказов. Барьяхтар В.Г., Гребенник И.П., Креснин А.А., Манжелый В.Г., Пустовалов В.В., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.
  - Ч.VII. Сборник стихов. Николаев Г.Т., Рогинкина Н.А., Рофе-Бекетов Ф.С., Сизова З.И., Степановский Ю.П., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2003.
  - Ч.VIII. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003.
  - Ч.IX. Сборник рассказов. Бляшенко Г.С., Гребенник И.П., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Яцук К.П. - 2003..
  - Ч.X. Сборник рассказов. Гребенник И.П., Ульянов В.В., Хижковский В.П., Яцук К.П. - 2003.
  - Ч.XI. Сборник стихов. Бирюков В.Я., Кан Я.С., Николаев Г.Т., Рофе-Бекетов Ф.С., Ульянов В.В., Шарапов А.И., Яцук К.П., Яцук Л.П. - 2003.
  - Ч.XII. Сборник рассказов. Боярский Л.А., Гребенник И.П., Малеев В.Я., Пустовалов В.В., Ульянов В.В., Чебанова Т.С. - 2004.
  - Ч.XIII. Сборник рассказов. Ковинько Н.М., Мазель Е.З., Ривкина Э.М., Розенберг В.Я., Тартаковский В.К., Ульянов В.В., Шарапов А.И. - 2008.
  - Ч.XIV. Сборник стихов. Бирюков В.Я., Евланов М.В., Кан Я.С., Николаев Г.Т., Рогинкина Н.А., Рофе-Бекетов Ф.С., Сизова З.И., Степановский Ю.П., Таранова Г.М., Ульянов В.В., Шарапов А.И., Яцук К.П., Яцук Л.П. - 2009.
  - Ч.XV. Сборник рассказов. Креснин А.А., Ульянов В.В., Федченко Л.Ю., Хайтман Е.Н., Яровая Р.Г. - 2009.
  - Ч.XVI. Сборник рассказов. Рофе-Бекетов Ф.С., Татарченко Л.П., Ульянов В.В. - 2009.
5. В.В.Ульянов. КАК МЫ ПРАЗДНОВАЛИ 50-ЛЕТИЕ ОКОНЧАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА (+CD). – 2007.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний о жизни в XX веке

1. В.В.Ульянов
Д О В О Й Н Ы (1934-1941). – 2002.
2. В.В.Ульянов
В О Е Н Н Ы Е Г О Д Ы (1941-1945). – 2002.
3. В.В.Ульянов
В Ш К О Л Е (1945-1952). – 2002.
4. В.В.Ульянов
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1934-1950). – 2003.
5. В.В.Ульянов
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1951-1954). – 2003.
6. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1955-1957). – 2003.
7. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1958-1961). – 2003.
8. В.В.Ульянов. Д В А Д Н Я В А Л У Ш Т Е. – 2003.
(Волейбольные грёзы)
9. В.В.Ульянов. Д В А Д Ц А Т Ы Й Д О М. – 2003.
10. В.В.Ульянов. 5 0 Л Е Т С П У С Т Я. – 2003.
11. В.А.Ульянов
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ. – 2003.
12. В.А.Ульянов. МОЯ ПОЕЗДКА В США И ОБРАТНО. – 2003.
13. В.А.Ульянов. С Т Р А Н И Ч К И Ж И З Н И. – 2003.
14. В.В.Ульянов
Р О Д О С Л О В Н А Я Н А Ш Е Й С Е М Ь И. – 2004.
15. В.В.Ульянов
П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е. – 2004.
16. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1962-1967)+CD. – 2006.
17. В.В.Ульянов
П О Л В Е К А В У Н И В Е Р С И Т Е Т Е (2-е изд., доп.). – 2007.
18. В.В.Ульянов
В И К Т О Р Е В Г Е Н Ь Е В И Ч Р У Б А Н О В И Ч (+CD). – 2008.
19. В.В.Ульянов
М О Я М У З Ы К А Л Ь Н А Я И С Т О Р И Я (+DVD). – 2010.
20. В.В.Ульянов, И.П.Ульянова
Р А С С К А З Ы О ЛЕТНЕМ ОТДЫХЕ (1968-1973)+DVD. – 2010.

К 200-летию Харьковского университета

Серия воспоминаний об ученых-физиках

1. В.В.Ульянов
ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ ЛИФШИЦ. – 2001, 2007(+DVD).
2. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
МОИСЕЙ ИСААКОВИЧ КАГАНОВ. – 2001.
3. В.В.Ульянов. ЛЕВ ЭЛЕАЗАРОВИЧ ПАРГАМАНИК. – 2002.
4. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
ЛЕОНИД СТЕПАНОВИЧ ГУЛИДА. – 2002.
5. В.В.Ульянов
БОРИС ИЕРЕМИЕВИЧ ВЕРКИН. – 2002.
6. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
АРНОЛЬД МАРКОВИЧ КОСЕВИЧ. – 2002.
7. В.В.Ульянов
ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ ЦУКЕРНИК. – 2002.
8. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕСЧАНСКИЙ. 2002.
9. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
ЭМАНУИЛ АЙЗИКОВИЧ КАНЕР. – 2002.
10. А.М.Ермолаев, Ю.П.Степановский, В.В.Ульянов
АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ АХИЕЗЕР. – 2002.
11. В.В.Ульянов
АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЖЕЛЕХОВСКИЙ. – 2003.
12. В.Г.Песчанский, В.В.Ульянов
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ГАЛАЙКО. – 2003.
13. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ФАЛЬКО. – 2003.
14. Г.И.Рашба, В.В.Ульянов
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЕРМОЛАЕВ. –2003.
- 15.
16. А.М.Ермолаев, В.В.Ульянов
ОЛЕГ ИВАНОВИЧ ЛЮБИМОВ. – 2005.
17. В.В.Ульянов. ЛАНДАУ В ХАРЬКОВЕ. – 2008.
18. В.В.Ульянов. ВОСПОМИНАНИЯ ФИЗИКА-ТЕОРЕТИКА. Ч.1. – 2008.

Харьковъ.

Памятникъ Каралину въ университетскомъ саду.

